

НК Клуб

Никитский

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 91

НЕРАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Москва ■ 2018

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.

Неравенство и справедливость

Выпуск 91 — М., 2018. — 68 с.

Заседание Никитского клуба «Неравенство и справедливость». Неравенство не вызывает сомнений, прежде всего, как естественное явление в живой и неживой природе. Не вдаваясь в подробности природы справедливости, о её существовании в человеческом обществе говорит хотя бы то, что, не будь чувства справедливости, неравенство осталось бы незамеченным. Впрочем, равенство тоже может стать проблемой для социальной справедливости.

Представление в целом о дискуссии дают подзаголовки вступительных докладов. *В России неравенство не является социальной проблемой.* — «Большинство наших сограждан приняли позицию оправдания существующего порядка вещей системы» (В.Л. Тамбовцев). *Неравенство по закону.* — «Я буду ссылаться на нормативные документы нашего государства» (С.Г. Кордонский). *Неравенство в российском провинциальном обществе.* — «Каждый находится в системе частных социальных отношений, и эта система определяет его положение, где добродетельное воздаяние всегда неравно» (Ю.И. Плюснин).

ББК 60.56; 87.6

© Московская Биржа, 2018

© Никитский клуб, 2018

Заседание — круглый стол «Неравенство и справедливость»

29 ноября 2017 г.

Андреев Николай Николаевич, заведующий лабораторией популяризации и пропаганды математики, МИАН

Егерев Сергей Викторович, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук, профессор

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН, профессор

Клепач Андрей Николаевич, заместитель председателя — главный экономист Внешэкономбанка; министр экономики в 2008–2014 гг.

Кордонский Симон Гдальевич, заведующий проектно-учебной лабораторией муниципального управления, заведующий кафедрой местного самоуправления факультета социальных наук НИУ ВШЭ, профессор

Макаров Валерий Леонидович, директор ЦЭМИ РАН, профессор, доктор физико-математических наук, академик РАН

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, заместитель председателя Общественной палаты г. Москвы, советник-наставник мэра г. Москвы

Мясников Владимир Степанович, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, профессор, доктор исторических наук, академик РАН

Перов Максим Вениаминович, заместитель директора Института территориального планирования «Урбаника», профессор МААМ

Петров Юрий Александрович, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор

Плюснин Юрий Михайлович, заместитель заведующего проектно-учебной лаборатории муниципального управления, профессор кафедры местного самоуправления факультета социальных наук НИУ ВШЭ, доктор философских наук

Погарский Михаил Валентинович, художник, организатор и куратор выставок, художественных проектов

Полтерович Виктор Меерович, руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора МШЭ МГУ, доктор экономических наук, академик РАН

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба, председатель Совета Никитского клуба

Соколов Александр Сергеевич, ректор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, профессор, доктор искусствоведения

Сатановский Евгений Янович, президент Института Ближнего Востока, профессор

Тамбовцев Виталий Леонидович, профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук

Экштут Семён Аркадьевич, руководитель Центра истории искусств ИВИ РАН, профессор, доктор исторических наук, писатель

Председатель заседания — **А.Н. Привалов**

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа. Начинаем очередное заседание Никитского клуба. Тема сегодняшней нашей дискуссии сформулирована как «Неравенство и справедливость». Я понимаю это дело так, что мы включили в название темы заведомо несуществующее понятие просто для благозвучия. Справедливости-то на свете нет, зато есть несправедливость.

Это очень легко пояснить. Любое решение, которое кажется справедливым господину А, почти любое, в принципе господин Б, оставаясь в зоне гуманизма, если угодно — христианской этики, если не угодно — просто человеческой этики, может счесть несправедливым, и они никогда друг другу не докажут, кто из них прав. Но я могу себе представить, и ежедневно вижу на практике массу вещей, которые в рамках христианской ли, гуманной ли, какой угодно человеческой этики справедливыми счесть нельзя, которые несправедливы очевидно.

Несправедливость — это некая объективная вещь. Но нельзя же два слова поставить в заголовке, и оба на «не» — неравенство, несправедливость. Обе эти темы, будучи абсолютно очевидно центральными для строя мысли огромного большинства наших сограждан, являются абсолютно периферийными для текущей политики, экономической политики и прочего. А каждый раз, когда текущая политика, экономическая политика подступают к этим темам, они это делают крайне неуклюже.

Позволю себе привести совершенно хрестоматийный пример из области, которой я занимаюсь много лет довольно подробно и потому вижу детали, — как бессмысленное стремление вроде бы к справедливости и равенству приводит к очевидным потерям.

Вот вы небось не знаете, а у нас в стране действует Концепция развития образования до 2020 года. Так вот, для общего образования, для школ там главным целевым показателем поставлено уменьшение к 2020 году цифрового различия, измеренного, естественно, в баллах ЕГЭ, между школами Российской Федерации до некоторого уровня. То есть главной целью развития системы провозглашено формальное равенство, равенство показателей. Это объясняется тем, что так, дескать, будет справедливо обеспечен равный доступ к равно качественному образованию.

Между тем совершенно очевидно, что если какая-то школа в посёлке городского типа Курганской области имеет те же показатели (пусть они будут честные), что и школа в престижном районе Москвы, то школа в Курганской области работает на два порядка лучше московской, она неизмеримо лучше. Очевидно, что такого в жизни не бывает, а если и бывает, то это чудо. И провозгласить главным направлением чудо есть некая дикость.

Оно бы и наплевать — мало кто чего провозглашает, кому до этого дело. Но дело есть. Ребята поставили себе целью сближение численных показателей, и они его добиваются. А как можно добиваться сближения численных показателей? Господин Прокруст дал прекрасный рецепт: если нельзя подтянуть отстающих, можно урезать выступающих, чем Министерство образования уже 15 лет занимается с блестящим

А.Н. Привалов

успехом. Вот, что такое непродуманные представления о равенстве и справедливости, и вот их простейшие последствия, которые выражаются в деградации школьного образования в Российской Федерации.

Такого рода примеров можно приводить много. Можно говорить о том, что формально вроде бы справедливая, чрезвычайно для всех удобная плоская шкала подоходного налога на самом деле довольно мерзкое и явно несправедливое дело, потому что те самые 13%, которые являются общим подоходным налогом для всех нас, прекрасно снимаются с доходов наёмных работников и очень скверно снимаются с доходов богатейших людей. Ни с собственности, ни с промышленных активов, ни с чего. Эффективная ставка НДФЛ у нас 7%, в среднем по стране мы платим 7%. Но работники наёмные платят 13%, богачи не платят практически ничего. А потому что стремление к справедливости, потому что мы хотели, чтобы всем было поровну, всем было справедливо.

Я не пытаюсь предсказать русло дискуссии. Наоборот, мне чрезвычайно нравится, что по меньшей мере про двоих из троих сегодня выступающих я понятия не имею, что они скажут. Это и хорошо, темы на самом деле чрезвычайно широкие, в том числе,

и на этом я настаиваю, потому что катастрофически недообсуждённые в сегодняшней России.

Всё то, что мы слышали о социальной справедливости и борьбе с неравенством в нашей уже довольно далёкой советской действительности, хорошо бы забыть, но оно всё никак не забывается и какими-то уродливыми откликами продолжает формировать... В общем, я больше не буду.

Предоставляю слово нашим докладчикам. Как мне сообщили, они будут выступать в точности в том порядке, в каком перечислены в разосланном вам приглашении. Итак, первый доклад будет делать профессор Тамбовцев. Виталий Леонидович расскажет нам, почему в России неравенство не является социальной проблемой.

Если позволите, очень короткий анекдот, на самом деле великий. При Хрущёве время от времени повышали цены на что-нибудь, аккуратненько, и говорили, что ничего страшного. И вот пресс-конференция для зарубежных корреспондентов. «Правда ли, что вы повысили цены на хрусталь и нейлоновые чулки? — Да, правда, но на благосостоянии народа это не отразится. — Правда ли, что вы повысили цены на масло и яйца? — Правда, но на благосостоянии народа это не отразится. — А вы его дустом пробовали?» Это я к тому, что социальное неравенство не является социальной проблемой. Прошу.

В.Л. Тамбовцев, профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук

Спасибо, Александр Николаевич, очень замечательное вступление, анекдоты я обожаю. Но я начну не с того, с чего хотел начать, а с маленького комментария и дополнения к тому, о чём говорил Александр Николаевич, а именно по поводу школьного образования, его реформы и всего прочего. Мало того, что ребята, которые все это придумали, не понимали, что они делали, — это хороший вариант объяснения. Плохой — они понимают, что они делают, и уверенно идут своей дорогой. Так вот, те лозунги, которые звучат в этой программе, внутренне противоречивы.

Дело в том, что, как только мы устраиваем какую-то конкуренцию между образовательными учреждениями, — а это уже проверено на опыте многих стран и эмпирически показано и доказано, — общий уровень образования не повышается, но увеличивается разброс школ по качеству обеспечиваемых ими образовательных услуг¹. Это объясняется эффектом «снятия сливок»², который, как говорится, никто не отменял, так что стремление одновременно обеспечить равенство и обеспечить конкуренцию между образовательными учреждениями — внутренне противоречиво. То есть

¹ См., например: Hsieh C. T., Urquiola M. The effects of generalized school choice on achievement and stratification: Evidence from Chile's voucher program. *Journal of Public Economics*, 2006, Vol. 90, Is. 8–9, pp. 1477–1503. — *В.Т.*

² Epple D. and Romano R. Educational Vouchers and Cream Skimming. *International Economic Review*, 2008, Vol. 49, No. 4, pp. 1395–1435. — *В.Т.*

В. Л. Тамбовцев

пользуясь языком анекдотов, это тот самый случай, когда мы жмём на газ и тормоз одновременно. Так и едем.

Так вот теперь к моей теме. Я хочу начать с того, что в принципе неравенство — это совершенно неотъемлемая характеристика любой социально-экономической системы, любой системы, где есть люди. Где есть люди — там есть неравенство. Чем оно обусловлено? Прежде всего генетикой, конечно. Все люди разные, поэтому в чём-то равны, в чём-то неравны — они разнообразны.

Есть такое более, я бы сказал, техницистское объяснение, почему неравенство в социально-экономических системах есть, и было, и будет. Оно связано с тем, что в этих системах действуют противоположно направленные силы, много разных противоположно направленных сил, а их взаимодействие приводит, как это показано, к возникновению распределений свойств очень специального качества, — так называемые степенные распределения, то, что по-английски называется power law [мат. степенной закон, степенная зависимость].

Это такие распределения, в которых у какой-то небольшой части субъектов сконцентрирована основная масса этого свойства, а у множества других его практически

нет. Это выражается в известном анекдоте относительно того, что 20% людей выпивают 80% всего пива и наоборот. В реальности можно привести такое, например, действительно существующее распределение, как распределение научных публикаций: подавляющее большинство сконцентрировано у небольшого числа учёных, а у большого числа учёных этих публикаций очень мало. Это всё неравенство.

Разумеется, что в социально-экономических системах не всё так устроено. Скажем, такой очень важный показатель, как IQ, распределён по Гауссу. Там есть средняя величина, основная масса людей имеет средний уровень IQ — не интеллекта, а IQ, это всё-таки разные вещи. И есть небольшое число, у которого он очень высок, и небольшое число тех, у кого он очень низок.

В социально-экономических системах есть разные распределения, но это степенные распределения, распределения типа Ципфа-Парето — их много. Это всё означает, что во многих сферах есть неравенство, самое что ни на есть настоящее и объективно обусловленное. В 2010 году в «Новом журнале физики» (*New Journal of Physics*) вышла статья Банерджи и Яковенко под названием «Универсальные программы неравенства»³, где показано, исходя из достаточно простых предположений, что такие неравенства — в смысле степенных распределений — преобладают в социально-экономических системах. Тем самым неравенство способности людей и связанные с ним другие равенства — это естественное состояние самых различных человеческих сообществ.

Но это вовсе не мешает людям оценивать некоторые из этих неравенств как несправедливые, о чём опять же говорил наш уважаемый ведущий. Беда только в том, что справедливость — как и её отсутствие — несправедливость, — понятие чрезвычайно расплывчатое. Фактически если не каждый человек, то многие люди понимают его совсем по-разному. Строгое определение, конечно же, ввести можно, но обязательно найдутся люди, которые с ним не согласятся. Потому занятие это достаточно непродуктивное — давать строгое определение этому универсальному понятию. Интересно посмотреть, как это устроено и как это работает, основываясь на интуитивном понимании, что такое справедливо, что такое — нет.

Известный теоретик справедливости Джон Роулз в 1971 году в своей книге «Теория справедливости»⁴ написал примерно следующее: принципы справедливости должны определить приемлемые распределения выгод и тягот социальной кооперации. Что это за принципы — можно спорить, но сама идея, что принципы справедливости регулируют распределение выгод и тягот от нашего взаимодействия, мне представляется совершенно корректной, правильной и продуктивной. Это даёт основание для того, чтобы понять, с чем мы имеем дело, кроме интуитивного понимания. Соответственно роль такого рода принципов (сами они могут быть разные),

³ Banerjee A., Yakovenko V. M. Universal patterns of inequality. *New Journal of Physics*, 2010, Vol. 12, No.7. Article id. 075032. — *B.T.*

⁴ Rawls J. (1971) *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press. — *B.T.*

функция — это регулировать базовые, базисные структуры социального обмена. Как регулировать — другой вопрос. Но функция справедливости — это регулирование разного рода социальных обменов, которые существуют в обществе, ведь общество построено на взаимодействиях людей. И эти взаимодействия могут регулироваться по-разному.

Что здесь очень интересно заметить? Основы справедливости — это, что называется, показано экспериментально — существуют не только среди людей, они зафиксированы у приматов, они зафиксированы у других животных⁵. Что касается приматов, очень интересно, есть такая игра, — имеется в виду экспериментальная игра, не игровая игра, — когда модератор эксперимента выдаёт некую сумму денег одному из участников и просит его ею поделиться с другим участником тура. Если второй участник принимает то, что ему даёт первый, — каждый получает своё и все довольны. Если не принимает, если отвергает предложение — никто ничего не получает.

Понятно, что с точки зрения ругаемой всеми неоклассической экономической теории, если бы мне модератор выдал 100 рублей, а я поделился с товарищем одной копеейкой — все в плюсах и надо брать. Но не берут. Типичная ситуация, при которой каждый получает что-то в рамках этой игры, такова, что доля принимается, если тот, кому выдана изначальная сумма денег, отдаёт примерно половину. А если нет, то очень часто идёт отвержение такого деления. Соответственно в рамках такого рода игры и приматы отвергали неравные деления — шимпанзе и прочие, с которыми проводили опыты. Так что что-то есть, что регулирует их взаимодействие, и похоже, что это те самые принципы справедливости, о которых писал Роулз.

В наше время, в последние годы, интерес к проблеме справедливости связан с фамилией французского исследователя Пикетти. Его книга — не знаю, переведена она или нет — называется «Капитал в XXI веке»⁶. Горячие головы сразу стали сравнивать его с другим «Капиталом» — XIX века, а идея этого «Капитала XXI века» заключается, кратко говоря, в том, что несправедливость в мире — экономическая несправедливость — и неравенство достигли таких пределов, что для капитализма это добром не кончится. А теперь нет такой страны-примера, которая показывает, чем кончалась несправедливость сто лет назад. СССР ведь долгое время выступал как пример: довели народ до ручки, получили, никакого вам при этом капитализма. Теперь такого примера нет, и Пикетти предупреждает, что надо что-то делать с капитализмом сегодняшним, поскольку все неравенства очень сильно выросли.

⁵ Brosnan S. F. and de Waal F. B. M. (2003) Monkeys reject unequal pay. *Nature*, vol. 425, no.6955, pp. 297–299; Bekoff M. and Pierce J. (2009) Wild Justice Honor and Fairness among Beasts at Play. *American Journal of Play*, vol. 1, no. 4, pp.451–475; Cronin K. A. (2012) Prosocial behaviour in animals: the influence of social relationships, communication and rewards. *Animal Behaviour*, vol. 84, is. 5, pp. 1085–1093. — В.Т.

⁶ Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*, Harvard University Press, 2014; Пикетти Т. *Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem. 2015. — В.Т.

Но тут есть вот такая вещь. Все люди разные, у них разные способности, разные доходы, разное накопленное богатство. В каком случае эти несоответствия, непропорциональности оцениваются как несправедливые? Например, в области трудовых отношений я считаю распределение несправедливым, если с моей точки зрения, по моей оценке, тот, у кого примерно такие же способности, как у меня, зарабатывает много больше, чем я. Если примерно одинаково, то это вполне нормально. Но ведь дело в том, что способности — это вещь, которую нельзя пронаблюдать и нельзя измерить. Мои способности — это то, как я себя оцениваю. Если моя оценка завышена, то у меня будет всё несправедливо. Если она занижена — вроде бы да, я ничего не могу и ничего не получаю, стало быть, все нормально.

Такого рода рассуждения подводят к простой мысли, — это не моя мысль, она известна и опубликована, — что для того, чтобы неравенства как-то сказывались на человеческом поведении, важна не сама величина неравенства, как-то измеренная независимо от человека, а воспринимаемое неравенство⁷. Это восприятие уже может влиять на поведение, а само по себе неравенство никак не влияет. Если я не знаю, что я неравен кому-то, — как это может на меня влиять? Нет информации, нет фактора принятия решения. А коль скоро так, то мы должны прежде всего смотреть на то, чем определяются субъективные оценки неравенства. Они определяются очень многими вещами, и одна из таких сильно влияющих вещей, это так называемый сдвиг в пользу статус-кво⁸.

Смысл этого психологического явления заключается в том, что мы предпочитаем статус-кво возможным изменениям. Почему? Дело в том, что человек, который находится внизу социальной иерархии — то есть у него мало ресурсов, низкие доходы, низкая зарплата, с имуществом всё не очень хорошо, — этот человек очень сильно зависит от государства. И подвержен, безусловно, влиянию государственной идеологии, государственной пропаганды и так далее. Он, в силу своего зависимого положения, ощущает себя крайне уязвимым при возможных изменениях. Независимо от того, в какой стране он живёт, он уязвим. Коль скоро так, это его положение вызывает ситуацию оправдания существующей системы. Он предпочитает статус-кво, поскольку вероятность того, что изменения ухудшат его и так не очень хорошее положение, оценивает как большую. Какая она на самом деле — он не знает, этого никто не знает, но люди устроены вот так. И поэтому сдвиг в пользу предпочтения статус-кво — это совершенно нормальное явление.

Джон Джост и Мазарин Бенеджи в 1994 году опубликовали исследование «Роль стереотипов в оправдании системы и выработка неверных заключений»⁹, в котором

⁷ Castillo J. C. Legitimacy of inequality in a highly unequal context: Evidence from the Chilean case. *Social Justice Research*, 2011, Vol. 24, Is. 4, pp. 314–340. — *В.Т.*

⁸ Eidelman S. and Crandall C. S. Bias in favor of the status quo. *Social and Personality Psychology Compass*, 2012, Vol. 6, Is. 3, pp. 270–281. — *В.Т.*

⁹ Jost J. T. and Banaji M. R. The role of stereotyping in system-justification and the production of false consciousness. *British Journal of Social Psychology*, 1994, Vol. 33, Is.1, pp.1–27. — *В.Т.*

установили, когда, в каких ситуациях наиболее сильно проявляется этот самый сдвиг в пользу статус-кво. Первая из этих ситуаций — вся система под угрозой. Второе условие — благосостояние сильно зависит от системы. Третье — система представляется человеку неизбежной и неизменяемой, а его собственные возможности изменить что-то кажутся пренебрежимо малы. Вот последние три условия — это как раз те условия, в которых пребывает большинство людей, находящихся в замыкающих позициях социальной иерархии. Что отсюда следует? Отсюда следует, что для них сдвиг в пользу предпочтения, оправдания системы — это наиболее типичная ситуация.

Теперь по поводу социальных проблем. Можно долго спорить о том, что такое социальные проблемы. Многие исследователи считают, что они выявляют социальные проблемы: когда анализ определяет наличие каких-то неравенств, несоответствий, они говорят, что это социальная проблема. Мне кажется, что такое понимание не очень точно по той простой причине, что социальные проблемы — это те проблемы, которые вырабатываются в результате взаимодействия людей. Это определение Герберта Блумера, 1971 года¹⁰. Я просто зачитаю: «Социальные проблемы являются результатами процесса коллективного определения, а не существуют независимо, как совокупность объективных социальных структур».

Коль скоро так, в каком случае у нас возникает социальная проблема? Это чётко расписали два других исследователя — Стивен Хилгартнер и Чарльз Боск, 1988 год¹¹. Процесс этого коллективного определения, с их точки зрения, запускается участниками политической конкурентной борьбы, которые выносят на публичную арену это самое несоответствие. Отсюда легко понять, что, если у вас нет конкурентной политической системы, если у вас нет публичной политической конкуренции, если участники политического процесса обладают неравным доступом к средствам массовой информации и не в состоянии вынести на публичную арену свои представления о том, что справедливо, что несправедливо, — у вас социальных проблем нет. В строгом смысле этого слова.

И совсем заключительное — про Россию. В России, по опросам, которые проводил «Левада-Центр», с точки зрения граждан, неравенство доходов по значимости — устойчиво на шестом месте, собирая около трети голосов более десяти лет. Что это означает? Это означает, что большинство наших сограждан приняли позицию оправдания существующей системы, в полном соответствии с теорией, о которой я выше говорил. Тут никакого противоречия с теорией нет, этому не надо удивляться. И как следствие — вряд ли можно ожидать, что нарастающие расхождения, нарастающие неравенства станут источником изменений, причём движителем изменений будут эти самые граждане, которые оправдывают статус-кво.

¹⁰ Blumer H. Social Problems as Collective Behavior. *Social Problems*, 1971, Vol. 18, No. 3, pp. 298–306. — *В.Т.*

¹¹ Hilgartner S. and Bosk C. L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model. *American Journal of Sociology*, 1988, Vol. 94, Is.1, pp. 53–78. — *В.Т.*

А. Н. Привалов

Спасибо большое. После ваших замечательных слов я искренне не понимаю людей, которые ратуют за появление в их или любой другой стране открытой политики. На хрена она сдалась? Когда её нет — нет проблем. Замечательно.

Насколько я понимаю, мы будем поступать, как обычно: вопросы потом ко всем докладчикам вместе. Тогда предоставляю слово Симону Гдальевичу Кордонскому, который расскажет нам про неравенство по закону.

С. Г. Кордонский, профессор, заведующий проектно-учебной лабораторией муниципального управления, заведующий кафедрой местного самоуправления факультета социальных наук НИУ ВШЭ

Я не буду ссылаться на зарубежных профессоров, я буду ссылаться на нормативные документы нашего государства. Посмотрите, пожалуйста: приказ Управления делами о допуске лиц в зал официальных делегаций в аэропорты¹². Только в наименовании должностей — 381. В общем, понятен смысл, что по закону, несмотря на конституционное равенство, граждане неравны. Это неравенство проявляется в том числе и в том, что кого-то не пускают в залы официальных делегаций, кого-то пускают. Официальный список лиц начинается с Президента Российской Федерации и заканчивается генеральным секретарём Евразийского экономического сообщества и его заместителями, последними в этой иерархии.

Ещё один документ — Указ Президента Российской Федерации о бесплатном гарантированном медицинском обслуживании разного рода лиц (должности перечислены)¹³.

Таких документов существует огромное количество, в каждом положении о министерстве и ведомстве «со звёздочкой» есть список преференций, которыми обладают по принадлежности к ведомству сотрудники этих ведомств. Меня когда-то более всего поразило положения о прокуратуре, где предусмотрено даже финансирование похорон прокурора в размере 180 тысяч рублей. Это было давно, сейчас сумма, возможно, и увеличилась.

Говорить о справедливости и несправедливости, опираясь на какие-то теории, разрабатываемые западными профессорами применительно к России, мне кажется, несколько легковесно. У нас проработана и зафиксирована нормативными документами система, фиксирующая неравенство граждан перед законом. Всем известно,

¹² Приказ Управления делами Президента Российской Федерации от 31 марта 2017 г. N124 г. Москва «О залах для официальных лиц и делегаций, организуемых в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации, установленных в пределах аэропортов (аэродромов) г. Владивостока, г. Казани, г. Москвы, Московской области, г. Санкт-Петербурга, г. Симферополя и г. Сочи». — С.К.

¹³ Указ Президента РФ от 16 марта 2015 г. № 136 «О некоторых вопросах Управления делами Президента Российской Федерации». — С.К.

С. Г. Кордонский

что, скажем, депутаты у нас не равны перед законом, как и служащие силовых министерств.

А. Н. Привалов

Более равны перед законом.

С. Г. Кордонский

«Более равны» — это из анекдота, а я исхожу из социального факта неравенства перед законом. Для того, чтобы как-то вписать понятия равенства и справедливости в более-менее понятную структуру, пришлось выстроить следующую схему.

Ещё Аристотель различал два типа справедливости: уравнительную справедливость и распределительную справедливость (рис. 1.). Уравнительная справедливость — это равенство перед писанным законом и формально заданными правилами. Распределительная справедливость — это равенство перед властью, начальником, распределяющим ресурсы. Эти справедливости «в реальности» работают в писаном виде, а «на самом деле» — по понятиям. Известно ведь, что в реальности всё не так, как на самом деле.

рис. 1

Соответственно, получается четыре типа социальных систем, четыре типа реализации справедливости. Одна из них — это модель «идеальный капитализм», равенство перед писанным законом. Неравенство возникает на рынке как следствие расщепления по уровню потребления. Этому типу справедливости соответствует классовая социальная структура.

Правый верхний квадрант — распределительная справедливость по закону. Это наш идеальный социализм, которые мы строили, но не смогли построить. Справедливость определяется согласно принадлежности гражданина к группе, сословию и статусу в сословии. Несправедливость в этом случае — нормативная обделённость ресурсами. А сами сословия создаются государством, в основном для нейтрализации угроз.

В эмпирическом исследовании проявляется наше социалистическое наследство: люди не хотят себя определять как бедных, бедными они считают не себя, а других. Бедных при опросе мы не фиксируем, мы фиксируем обделённых ресурсами. На вопрос: «Как вы живете?» — люди предпочитают отвечать: «Мы живём как все».

Левый нижний квадрант — равенство по понятиям, что характерно для корпоративного государства, идеология которого сформулирована очень чётко Муссолини: «Всё в государстве, ничего против государства и ничего вне государства». Неравенство

Классификация социальных групп

основана на комбинации принципов социальной справедливости

Метод (уровень исследования) Предмет (уровень организации)	Капиталисты	Социалисты	Корпоративисты-солидаристы	Анархисты
Капиталистический - классовый (равенственная справедливость в реальности (по закону))	Теория капитализма-классового общества	Классово-экономические группы по отношению к собственности на средства производства, различающиеся уровнем потребления: буржуа и пролетарии. Тип дохода: рента на капитал, от выработки	профессиональные, клановые и иные группы, различающиеся уровнем потребления, бытовые и семейные агричики, например. Тип дохода: зарплата	Бизнесмены, люди рынка Тип дохода: рыночный доход
Социалистический - сословный (распределительная справедливость в реальности)	сословия - созданные государством группы, обладающие выделенным статусом, такими как гарантия потребления. Советские и постсоветские сословия: Афроамериканцы в США, арабские эмигранты в ЕС, например. Тип дохода: жалование, рента, велфер, пенсия	Теория социализма-сословного общества	Профессиональные и иные сословия, созданные и поддерживаемые государством. Фермеры в ЕС, обслуживающие сословия в России. Тип дохода: зарплата, рента.	Сословия лиц свободных профессий (юристы, писатели и пр.) Тип дохода: гонорар
Корпоративно-солидаристско-клановый (равенственная справедливость «на самом деле») по понятиям	Рыночные профсоюзы Тип дохода: зарплата, рента от членства в профсоюзе	Социалистические профсоюзы Тип дохода: зарплата, рента от членства в профсоюзе	Теория корпоративизма-солидаризма - профессионально-организационного общества	Промышленные группы, отходники, гаражники и пр. Тип дохода: входная оплата
Коммунистический - анархический - распределительная справедливость «на самом деле») по понятиям	Рыночные анархические группы (бизнес творческая, научная) Гонорар, рыночный доход	Социалистические анархические группы (творческие союзы, академии и пр. Государственные Объединенные лица свободных профессий) Тип дохода: рента от членства в творческом союзе	Мастера-умельцы, самоантисы Тип дохода: гонорар	Теория коммунизма - бесструктурного общества

при этом возникает как этническое неравенство, корпоративное неравенство, клановое неравенство и многое другое.

И четвёртый тип социальной системы — это распределительная справедливость «на самом деле» — по понятиям. Судя по возрасту, здесь все читали Стругацких. С моей точки зрения, успех их обеспечивался тем, что они описывали вот это самое недостижимое коммунистическое общество — чтобы всем было поровну.

Соответственно, такое обилие справедливостей предполагает разные интерпретации, смешение их. В частности, в традиционной рыночной системе, как нам кажется, сочетаются первый левый верхний квадрант и правый нижний квадрант. Если почитать про то, как организована деятельность в Google, например, то оказывается, что у них есть равенство по писаному закону, но внутри себя корпорация организована по коммунистическому принципу: ешь, пей, совокупляйся, травку кури, но все мы равны и все мы участвуем в одном процессе — производстве новой технологии.

В отличие от такой системы, возможна и другая, характерная, как мне кажется, для нашего государства (рис. 2). «В реальности» у нас сословная структура, созданная государством. Я начал, собственно, свой доклад с описания существующей сословной структуры, заданной нормативными документами. А «на самом деле» у нас корпоративное государство, в котором неравенство обеспечивается клановыми, этническими, корпоративными и прочими отношениями.

рис. 3

Служивые сословия

Социальные функции сословия	Государственная гражданская служба	Военная служба	Правоохранительные органы	Служба правопорядка	Муниципальная служба	Законодательство	Казачья служба
Государственные гражданские служащие	Классы государственных служащих. Закон о государственной гражданской службе	Государственные гражданские служащие, обеспечивающие военную службу	Государственные гражданские служащие, обеспечивающие правоохранение	Государственные гражданские служащие, обеспечивающие правоохранительную службу	Государственные гражданские служащие, обеспечивающие муниципальную службу	Государственные гражданские служащие, обеспечивающие законодательство	Государственные гражданские служащие, обеспечивающие казачью службу
Военнослужащие	Военнослужащие, обеспечивающие государственную гражданскую службу	Военские звания. Закон о военной службе	Военнослужащие, обеспечивающие правоохранение	Военнослужащие, обеспечивающие правоохранителей	Военнослужащие, обеспечивающие муниципальную службу	Военнослужащие, обеспечивающие депутатов	Военнослужащие, обеспечивающие казаков
Судьи	Судьи, обеспечивающие государственную гражданскую службу	Судьи, обеспечивающие военную службу	Закон о статусе судей	Судьи, обеспечивающие службу правопорядка	Судьи, обеспечивающие муниципальную службу	Судьи, обеспечивающие законодательство	Судьи, обеспечивающие казачью службу
Правоохранители	Правоохранители, обеспечивающие государственную гражданскую службу	Правоохранители, обеспечивающие военную службу	Правоохранители, обеспечивающие правоохранение	Специальные звания. Закон о правоохранительной службе	Правоохранители, обеспечивающие муниципальную службу	Правоохранители, обеспечивающие законодательство	Правоохранители, обеспечивающие казачью службу
Муниципальные служащие	Муниципальные служащие, обеспечивающие государственную гражданскую службу	Муниципальные служащие, обеспечивающие военную службу	Муниципальные служащие, обеспечивающие правоохранение	Муниципальные служащие, обеспечивающие службу правопорядка	Классы муниципальных служащих. Закон о муниципальной службе	Муниципальные служащие, обеспечивающие законодательство	Муниципальные служащие, обеспечивающие казачью службу
Депутаты	Депутаты, обеспечивающие государственную гражданскую службу	Депутаты, обеспечивающие военную службу	Депутаты, обеспечивающие правоохранение	Депутаты, обеспечивающие службу правопорядка	Депутаты, обеспечивающие муниципальную службу	Виды депутатов. Закон о статусе депутатов	Депутаты, обеспечивающие казачью службу
Казаки	Казаки, обеспечивающие государственную гражданскую службу	Казаки, обеспечивающие военную службу	Казаки, обеспечивающие правоохранение	Казаки, обеспечивающие службу правопорядка	Казаки, обеспечивающие муниципальную службу	Казаки, обеспечивающие законодательство	Специальные казачьи звания. Закон о казачестве

Соответственно, вопрос справедливости становится вполне практическим вопросом: в какой реальности мы сейчас живём? С моей точки зрения, рыночно-коммунистической реальности у нас нет, она в какое-то время появлялась, но, похоже, её нет, и в предвидимом будущем не будет. Наша «реальность» заключается в распределительной справедливости по закону, то есть в системе созданных государством и иерархизированных сословий. Но «на самом деле» мы живём по понятиям.

Какие сословия у нас есть сейчас, существующие по закону? Служивые сословия государственной гражданской службы: федеральные служащие, региональные служащие и дипломаты. Восемь категорий военнослужащих, не буду их перечислять. Судьи трёх категорий, три подсословия, по каждому есть отдельный закон. Правоохранители — девять категорий, есть законы. Муниципальные служащие — вроде бы принят закон о классах муниципальных служащих, но он не реализуется. Депутаты четырёх видов и казаки — 16 казачьих войск, по каждому из которых существует соответствующий указ Президента. (Рис. 3.)

Эта табличка непростая — если вы обратите внимание на название столбцов, то с той или иной степени приближения, с большой долей приближения, это статьи федерального бюджета. То есть финансируется государственная гражданская служба, но ресурсы, выделенные на государственную гражданскую службу, осваиваются

Обслуживающие сословия

Вид деятельности сословия	Выражение интересов сословий	Обслуживание государственных социальных обязательств	Работа по найму	Социальная защита	Коммерция	Исполнение наказаний	Сословия
Лица свободных профессий	Иерархия нет. Закон нет	Лица свободных профессий, обслуживающие выполнение социальных обязательств	Лица свободных профессий, обслуживающие работу по найму	Лица свободных профессий, обслуживающие социальную защиту	Лица свободных профессий, обслуживающие коммерцию	Лица свободных профессий, обслуживающие исполнение наказаний	Лица свободных профессий, обслуживающие сословия
Бюджетники	Бюджетники, обслуживающие высказание интересов сословий	Иерархия почетных званий: заслуженный, народный. Закон нет	Бюджетники, обслуживающие работу по найму	Бюджетники, обслуживающие социальную защиту	Бюджетники, обслуживающие коммерцию	Бюджетники, обслуживающие исполнение наказаний	Бюджетники, обслуживающие сословия
Наемные работники	Наемные работники, обслуживающие высказание интересов сословий	Наемные работники, обслуживающие выполнение социальных обязательств	Иерархия нет. Трудовое законодательство	Наемные работники, обслуживающие социальную защиту	Наемные работники, обслуживающие коммерцию	Наемные работники, обслуживающие исполнение наказаний	Наемные работники, обслуживающие сословия
Коммерсанты	Коммерсанты, обслуживающие высказание интересов сословий	Коммерсанты, обслуживающие социальные обязательства	Коммерсанты, обслуживающие работу по найму	Законы о коммерции и предпринимательстве. Иерархия нет	Коммерсанты, обслуживающие социальную защиту	Коммерсанты, обслуживающие исполнение наказаний	Коммерсанты, обслуживающие сословия
Пенсионеры	Пенсионеры-лица свободных профессий	Пенсионеры-бюджетники	Пенсионеры по найму	Пенсионеры-коммерсанты	Иерархия пенсий (персональные пенсионеры). Пенсионное законодательство	Пенсионеры системы исполнения наказаний	Пенсионеры-внесословные
Суденные и ограниченные в правах	Суденные - лица свободных профессий	Суденные, работающие по найму	Суденные, из работающих по найму	Суденные пенсионеры	Суденные коммерсанты	Классификация согласно УК и УПК	Суденные внесословные
Внесословные	Внесословные, обслуживающие высказание интересов сословий	Внесословные, обслуживающие выполнение социальных обязательств	Внесословные, обслуживающие работу по найму	Внесословные, обслуживающие социальную защиту	Внесословные, обслуживающие исполнение наказаний	Внесословные, обслуживающие судимых и ограниченных в правах	Игнорируемые законы. Делится на соответствующих и проч.

всеми иными сословиями — военнослужащими, которые обеспечивают государственную гражданскую службу, правоохранителями и даже казаками, находящимися на государственной гражданской службе. Поскольку официальная процедура утверждения бюджета — это утверждение долей по столбцам, то распределение этих долей по строкам не является публичным мероприятием. Это составляет в какой-то мере содержание работы Министерства финансов в период оформления бюджета: сколько денег из какого бюджета кому достанется. Даже если утверждён военный бюджет, то есть финансируется военная служба, то посчитать, сколько денег расходуется на оборону, на военных — невозможно, так как военнослужащие получают ресурсы из всех других бюджетов. Тщетность попытки просчитать по бюджетам и сравнить доли расходов, мне кажется, свидетельствует о гносеологической непрозрачности нашей финансовой системы.

Кроме официального распределения, утверждаемого Федеральным собранием и подписанного президентом, неофициального распределения по доле, сколько приходится каждому сословию, существует ещё третье распределение (поскольку сословия не иерархизированы по строкам). Кто «главнее» — прокуроры или чекисты? Не понятно. И происходит естественная иерархизация сословий, проявляющаяся в том, кто кому платит, откатывает. Где-то в регионах откатывают прокурорам, где-то

рис. 5

Численная модель социальной структуры России

Социальные группы – сословия с их источниками доходов Уровни структуры + Источники дохода	Члены служивых сословий. 7,7 млн, или 5,1 % населения (жалование);	Пенсионеры, беднетики, работающие по найму. 99 млн., или 66,3 % населения (пенсия, пособие, зарплата)	Предприниматели, коммерсанты, лица свободных профессий, купцы. 22,7 млн., или 15,2 % населения (рыночный доход, навар, гонорар, грант)	Внесословные, судимые и лишённые свободы, ограниченные в правах. 23 млн., или 13,4 % населения (нак, пайка, долг)	ВСЕГО
Властный (жалование, премии, компенсационные выплаты разного рода, административная рента).	Власть – члены служивых (властных) сословий. Около 0,26 % населения из числа занятых во власти получают жалование за обслуживание власти. Примерно 391 863 человек	Члены служивых сословий, получающих жалование за обеспечение народа. Около 3,39 % населения – примерно 5 072 321 человек	Члены служивых сословий, получающих жалование за обеспечение предпринимателей, коммерсантов и пр. Около 0,78 % населения – примерно 1 163 538 человек	Члены служивых сословий, получающих жалование за обеспечение (контроль) внесословных, судимых и пр. Около 0,63 % населения – примерно 1 024 836 человек	5,12 %
Народный (зарплата, пенсия, пособия, рента от основного статуса)	Народ, получающий зарплату, пенсии, пособия за обслуживание власти. Около 3,39 % населения – примерно 5 072 321 человек	Народ, получающий зарплату, пенсии и пособия за обслуживание народа. Около 43,93 % населения – примерно 65 656 716 человек	Народ, получающий зарплату, пенсии, пособия за обслуживание предпринимательства. Около 10,08 % населения – примерно 15 060 977 человек	Народ, получающий зарплату, пенсии, пособия за обслуживание криминалитета и, в силу этого, сам маргинализирующийся и криминализирующийся. Около 8,88 % населения – примерно 13 265 590 человек	66,28 %
Рыночный (рыночный (купеческий) доход, гонорар, грант, навар, рента от основного статуса)	Предприниматели, имеющие доходы от обслуживания власти. Около 0,78 % населения – примерно 1 163 538 человек	Предприниматели, имеющие доходы от обслуживания народа. Около 10,08 % населения – примерно 15 060 977 человек	Бизнесмены и коммерсанты, имеющие доходы от обслуживания бизнеса. Около 2,31 % населения – примерно 3 454 833 человек	Предприниматели, имеющие доходы от обслуживания маргиналов и криминалитета. Около 2,04 % населения – примерно 3 042 990 человек	15,2 %
Маргинальный – криминальный (нак, пайка, доля от хищений, рента от криминального статуса)	Маргиналы и криминалитет, имеющие доходы от обслуживания власти. Около 0,69 % населения – примерно 1 024 836 человек	Маргиналы и криминалитет, имеющие доходы от обслуживания народа. Около 8,88 % населения – примерно 13 265 590 человек	Маргиналы и криминалитет, имеющие доходы от обслуживания предпринимателей. Около 2,04 % населения – примерно 3 042 990 человек	«Врели народа» – профессиональные преступники, имеющие доходы от обслуживания маргиналов и криминалитета. Около 1,79 % населения – примерно 2 680 242 человек	13,39 %
ВСЕГО	5,12 %	66,28 %	15,2 %	13,39 %	100 %

откатывают госслужащим, где-то — чекистам. Собственно, эта система откатов и является справедливой в том смысле, что она обеспечивает единство наших государственных служений. Это субстанция, которая склеивает нашу государственную систему в целом. Об этом можно говорить долго, но я пойду дальше.

Кроме служивых сословий есть обслуживающие сословия, лица свободных профессий, функция которых — выражение интересов сословий (рис. 4). Обслуживание государственных социальных обязательств — это бюджетники. Причём с бюджетниками происходит трагическая история. Бюджетники — сословие, унаследованное от Советского Союза, сейчас они переходят в статус работающих по найму и, естественно, лишаются всех привилегий советских бюджетников. Это касается не только врачей, учителей, это касается учёных. Советские бюджетники постепенно становятся работающими по найму, то есть простыми рабочими в новой системе.

Мы сделали попытку смоделировать социальную структуру Российской Федерации, основываясь на том, что в политическом пространстве у нас существуют такие группы, как власть, народ, активное население и маргиналы. Известно, что у нас всё рассчитывается на 1000 человек населения, на 10 000 человек населения и так далее. Поэтому отношения между группами в идеале должны быть пропорциональными. Исходя из гипотезы, что все отношения пропорциональные, мы просчитали

вот такую численную модель нашей социальной структуры: народ, власть, активное население, так называемое рыночное, и маргинальное. (Рис. 5.)

Получается, что у нас служивых сословий и связанных с ними примерно 5% населения; народ — примерно 66% населения, народ — это пенсионеры, бюджетники, работающие по найму. Активное население — предприниматели, коммерсанты, лица свободных профессий — тоже составляет 15%; ограниченные в правах, внесловесные, в общем, разные маргиналы — примерно 13% населения. Это действительно модель, и если предположить, что, скажем, власть захотела себя сократить на 10%, то куда эти 10% денутся, их же не закопают, этих людей? Они распределятся по всем другим клеточкам этой модели. В результате количество «врагов народа» (нижняя правая клетка) увеличивается на 1%.

Эта социальная структура чрезвычайно стабильна, но только при условии существования потока распределяемых ресурсов. В ней не предусмотрено производство — только распределение, справедливое распределение.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Симон Гдальевич. Сейчас я предоставляю слово Юрию Михайловичу Плюснину, он нам расскажет о неравенстве в российском провинциальном обществе. Прошу вас.

Ю. М. Плюснин, *заместитель заведующего проектно-учебной лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ; профессор кафедры местного самоуправления факультета социальных наук НИУ ВШЭ, доктор философских наук*

У меня всего два тезиса: первый — о равенстве, второй — о неравенстве на локальном уровне.

Если позволите, я бы хотел сделать небольшое дополнение к самой первой части выступления Виталия Леонидовича [Тамбовцева], потому что он зафиксировал очень интересный феномен. Этот феномен, в общем, известен: откуда берётся распределение нормальное, Гауссово, и распределение Ципфа-Парето и почему у нас в обществе так много распределений именно Ципфа-Парето, а не Гаусса.

Распределение Ципфа-Парето — нормальное, это распределение взаимонезависимых атомарных признаков. Действительно, IQ распределяется как атомарный признак, поскольку в большой популяции мы все не родственники в основном. Однако в подавляющем большинстве случаев мы, будучи членами общества, обладаем реляционными, то есть взаимозависимыми признаками (как-то: наш общественный статус, профессиональные позиции, доход в организации и проч.). А эти признаки всегда распределяются именно так — по распределению Ципфа.

Равенство. Вообще говоря, сама идея неравенства возникает из идеи равенства. Из той идеи, которая была зафиксирована идеологией (Века) Просвещения: «Свобода, равенство, братство». Причём это ведь логически противоречивая совокупность

Ю. М. Плюснин

принципов, поскольку свобода — это в то время всё-таки свобода от Божьего произвола и стихии природы, а совсем не в гегелевском смысле, как мы привыкли предполагать. Соответственно, «братство» — это не естественное, не генетическое братство.

Современная либеральная Европа придерживается несколько другого лозунга, я цитирую: «Мы живём по принципам свободы, справедливости и солидарности» — так зафиксировано. Здесь явно остаётся только одна «свобода», а «братство» заменено более общим понятием — понятием солидарности. Действительно, поскольку братство — это взаимозависимость, это взаимоподчинение, это единство, солидарность в конечном счёте.

А вот почему «равенство» заменено на «справедливость»? Справедливость, как, может быть, в значительной мере правильно фиксирует уже цитировавшийся Роулз, я немного по-своему переиначу — это «добродетельное нравственное воздаяние». Правильное, с точки зрения общества, распределение тех выгод и тягот, которые воспринимаются членами общества — как в низах, так и на верхах — как добродетельные (альтруистические) и как нравственные (соответствующие моральным

императивам общества). В этом, наверное, и состоит справедливость. Тем не менее мы всё время говорим о равенстве, и это остаётся для значительного большинства из нас ведущим принципом.

Но если посмотреть на равенство с точки зрения права, то равенство имеет пять аспектов. Это гражданское равенство как право быть защищённым — право на защиту и право гражданских свобод. Это социальное равенство — социальная защищённость, наличие различных преференций, пенсий, пособий, право на медицинское обслуживание, право на образование и так далее. Это культурное равенство — доступ к институтам и ценностям культуры. Это политическое равенство — право быть избранным, право избирать. И, наконец, экономическое равенство — право иметь возможность осуществлять деятельность для получения дохода, неважно какого, в результате найма или в результате промысла, или в результате бизнеса.

Но все эти формы равенства в реальной жизни в любом государстве даже на законодательном уровне недостижимы, поскольку мы повсеместно видим ограничения как в том, так и в другом, так и в пятом случае. Равенства на социальном уровне нет и не может быть, это в некотором смысле либо эпифеномен, или мыслительная ошибка (является ли равное право на преференции равенством в буквальном смысле? Или право быть избранным и тем самым стать особенным, не равным остальным?). На уровне общества у нас как раз существует неравенство, в чём я совершенно согласен со своими коллегами, и это ясно.

Перехожу ко второму тезису — о неравенстве на локальном уровне. Здесь я затрону, может быть, более частный аспект. Каждый из нас живёт в каком-то локальном сообществе, хотя крупные города и жители мегаполисов это не так сильно ощущают. Значительная часть остального населения живёт в местных обществах, в которых все обитатели — свои, позиция каждого связана с близкими и родными, с друзьями и врагами, с сослуживцами и согражданами, начальниками и подчинёнными. Каждый находится в системе частных социальных отношений, и эта система определяет его положение, где добродетельное воздаяние всегда неравно. Любой простой человек в этом смысле — индивидуален, потому что если мы будем смотреть на простого человека, удовлетворяющего принципам равенства, то это будет неразличимый человек. Это состояние аномии. На локальном уровне такого состояния не бывает: все свои, все знают друг друга.

Здесь я хотел бы отметить два момента, с моей точки зрения, важных. Как фиксируется неравенство на локальном уровне? Прежде всего позицией человека в этом обществе или, переходя на латынь, статусом человека. Чем определяется статус в провинциальном обществе, в нашем, в местном обществе, каждое из которых локально, ограничено пространственно и ограничено системой взаимодействий, отношений и позиций? Отнюдь не доходом и не уровнем потребления, как привыкли думать исследователи, например, или читатели обычной социологической литературы. Совсем нет.

Четыре критерия, по которым определяется статус человека в провинциальном обществе. Первое — это влияние; самый главный критерий — уважаемый человек или не уважаемый. Маленький анекдот. Я спрашиваю в очередной поездке одного из «хозяев» местного общества, представителя местной элиты: «И кто тут у вас “белая кость”?» — Ну, это очень просто. Каждый год, как ты знаешь, к нам приезжает патриарх, и мы собираемся на трапезу. Вот эти пять десятков человек, которые обедают вместе с ним, и есть наша “белая кость”. Так что всё очень просто». Но среди этой группы избранных совсем немного тех, кто имеет очень большой доход, и может совсем не быть официальных представителей власти местного общества.

Второй критерий статуса — клановая принадлежность. Клановая в широком смысле слова, это этническая и родственная группа. Клановые присутствуют везде, этот архаический институт никогда не умирал и не умер, и у нас он не умер, принадлежность к клану определённо фиксирует статус человека. Он может быть либо уважаемым, поскольку он принадлежит к клану, который в данное время верховодит в местном обществе, либо не уважаемым — только потому, что принадлежит к определённой родственной группе. Но это всё же второй по значимости критерий.

Третий критерий — это официальный статус, определяемый иерархией либо в системе государственного служения, либо какой-то другой позицией, если она зафиксирована, например, в системе церковной иерархии. Этот официальный статус занимает всего третье место в статусном распределении местного общества.

Если позволите, ещё один пример. Я как-то на Урале пытался в течение пяти дней встретиться с муниципальными главами — главой городского округа, главой администрации, главой представительного собрания, — и все они почему-то избегали встречи со мной, по разным причинам отказывались. Наконец, когда я пожаловался на это настоятелю местного монастыря, он и прояснил почему: «Потому что ты же уже встретился с настоящим хозяином района, а он разрешения на встречу им не дал. Зачем тебе встречаться со всеми остальными?». Этим хозяином района оказался пенсионер, но бывший начальник исправительно-трудовой колонии. То есть всего только третье место в позиции занимает такой критерий, который мы очень часто, по внешним признакам, воспринимаем как ведущий.

И, наконец, только четвёртое место по значению занимает уровень потребления, доход человека (а ведь как мы хорошо знаем, именно этот признак основополагающий в статусном распределении современных западных обществ. Я знаю десяток очень богатых на местном уровне предпринимателей, которые не уважаемы и не занимают никакой высокой позиции в местном обществе. Да, они богаты, но для местных они почти никто.

Вот это как раз то неравенство, которое считают справедливым люди на уровне локального сообщества.

Второй мой тезис заключается в следующем: неравенство может меняться по произволу — по произволу самого человека. И в нашем обществе, и в обществе

европейском сейчас очень много людей, который имеют официально очень низкий статус или неопределённый статус — например, так называемые «дауншифтеры», или прекариат, с лёгкой руки французских социологов 80-х годов. Эти термины стали модными в последние годы, потому что возросла численность людей, не имеющих статуса во «вмещающем» сообществе (в том, которое приняло их), не имеющих стабильного дохода и стабильной работы, — то есть не имеющих всего того десятка трудовых гарантий, которые раньше были почти у всего населения (по крайней мере в советское время у нас). И в то же время они лишены большинства нынешних форм социальной защищённости.

Это люди, которые не будут получать пенсию, не получают никаких социальных льгот и преференций. Их становится всё больше и больше, и это не только трансграничные трудовые мигранты, гастарбайтеры, в том числе из наших молодых постсоветских государств. Это и наши внутренние трудовые мигранты, их мы называем «отходниками», их очень много. Например, в позапрошлом году Собянин сообщил, что в Москве 6,5 миллиона трудоспособного населения, но он не сообщил о том, что ещё есть 6 миллионов такого же трудоспособного населения и тоже в Москве, но их нет для официальной статистики, муниципальной отчётности. А это всё трудовые мигранты, их у нас десятки миллионов вместе с гастарбайтерами, но для общества и государства их как бы и нет.

В чём особенность их статуса? Они прекариат по всем признакам, но только здесь, во «вмещающем» обществе. А в своём, местном, обществе очень многие из них имеют как раз высокий социальный статус, они уважаемые люди, на них равняются остальные. Эти люди сознательно принимают условия несправедливых отношений в новом и чуждом для себя обществе, чтобы получить определённые преимущества, больший доход, всё то, что они не получают в своём родном обществе. Но, в отличие от западного прекариата, наши отходники регулярно время от времени возвращаются в своё родное общество, где они занимают место достойное.

Эти два момента говорят о том, что понимание и представление о равенстве и справедливости в простом или одномерном ключе (формально-логическое представление) не соответствует той реальности, в которой мы живём. Добавлю ещё к этому: если бы у нас было равенство, мы не имели бы таких институтов, как государство и церковь. Поскольку первый — это институт, поддерживающий стабильность и неизменность структуры и где по определению не может быть равенства (структура всегда есть упорядоченная совокупность разнокачественных элементов). А второй — это институт, целью существования которого является поддержание общественного единства и целостности, а это тоже не предполагает равенства людей, поскольку основание единства есть братство, а целостности — солидарность.

А. Н. Привалов

Спасибо. Вопросы к докладчикам? Прошу, Валерий Леонидович.

В. Л. Макаров

В. Л. Макаров, директор ЦЭМИ РАН, профессор, доктор физико-математических наук, академик РАН

В вашей квалификации не учтена популярность. Если бы Маша Шарапова сюда пришла, мы считали бы, что у неё высокий статус, хотя, что такое распределение Лапласа, она понятия не имеет. И куда деть, допустим, социальные сети? Там блогер, который получает больше всех «лайков» — очень значимый человек. В вашей классификации, мне кажется, есть какие-то недостатки, с точки зрения современного общества.

Ю. М. Плюснин

Ведь мы в приватной жизни, среди своих, никогда не смотрим, сколько у соседа лайков и есть ли они вообще. Когда мы анонимны — да, тогда лайки и сети имеют значение. А когда мы не анонимны, когда мы индивидуальны, тогда не имеет значения, популярен я или нет. В этом смысле на локальном уровне, на местном уровне, там, где все свои позиции человека не определяются случайными факторами или произвольными действиями человека, статус редко зависит от сиюминутных достижений. Уважение не приходит ни само, ни сразу. Да, все сейчас в сетях, все сейчас в интернете,

М. В. Погарский

старые бабушки тоже, они ещё, может быть, лучше молодых умеют с этим обращаться. Но сетевая организация — это другой, не социальный мир, другие отношения.

М. В. Погарский, художник, организатор и куратор выставок, художественных проектов

У меня вопрос к Виталию Леонидовичу [Тамбовцеву]. Не могли бы вы в двух словах рассказать об эксперименте справедливости у приматов? Потому что, насколько мне известно, в животных сообществах всегда строгая иерархия и там справедливость — совершенно какое-то другое понятие. Буквально на днях я бросил корку хлеба вороне, подлетела более сильная ворона, отняла у неё, есть не стала — просто, по её понятиям, той не положено, положено ей. Иерархия в животных сообществах всегда как бы основа основ. В чём, собственно, заключался эксперимент по справедливости у приматов?

В. Л. Тамбовцев

Вы совершенно правы. В естественных сообществах животных или хотя бы в тех их группах, которые существуют достаточно продолжительное время, устанавливается

иерархия сама собой. В экспериментальной постановке иерархии нет, поскольку там есть два сведённых животных одного вида и экспериментатор, который выдаёт одному из них что-то. Поэтому вот эта привнесённая из естественной среды иерархия там не существует. Не возникает, не успевает возникнуть, точнее говоря.

М. В. Погарский

А нельзя в двух словах сказать, как проходил эксперимент, как выяснялось то, как они реагировали? Вы рассказали об игровом эксперименте в человеческом факторе — там понятно: человек не хотел делиться малым, если поровну — то всё хорошо. Как животные проявляют своё отношение к справедливости — поровну, не поровну?

А. Н. Привалов

Очень характерно, что в разговоре о справедливости и неравенстве приматы интереснее.

В. Л. Тамбовцев

Действительно интереснее, поскольку с людьми-то и так всё ясно. К сожалению, я не помню деталей, я читал статью давно, но если вам интересно, у меня есть ссылка и, по-моему, сам текст тоже где-то в закромах компьютера.

Ю. М. Плюснин

Если позволите, я чуть-чуть добавлю, поскольку довольно давно и довольно долго занимался изучением сообществ у животных, у высших животных. В сообществах высших животных нет жёсткой иерархии. Там есть нежёсткие и параллельные системы иерархии (например, отдельно среди самцов и среди самок, у молодых животных). Там имеет место система соподчинения, то есть взаимного подчинения, и ведущая роль не у альфа- или бета-самца и так далее, как мы привыкли думать, а как раз основное значение имеют альянсы, и прежде всего самцовые альянсы (постоянные, «дружеские» отношения между двумя, реже тремя индивидами одного возраста и пола, которые всегда и везде поддерживают друг друга во взаимодействиях с другими членами сообщества). В самцовых альянсах обычно доминирует не альфа-самец, а поведенчески более активный и чуть более подчинённый («субординант»), а вот собственно альфа-самец — он для других «альфа». И вот этот альянс (а бывает, и не один) и определяет то, как будут строиться отношения в сообществе.

А. Н. Привалов

На самом деле, тоже решение: отобрать у всех вторую сигнальную — вот так заживём! У кого ещё вопросы?

М. В. Перов, заместитель директора Института территориального планирования «Урбаника», профессор МААМ

У меня вопрос к господину Кордонскому. Несколько лет назад в одной из статей вы охарактеризовали приоритет государственной политики страны как

М. В. Перов

нейтрализацию угроз. Можно ли сделать вывод, что сегодняшнее сословное построение общества есть следствие этой политики?

С. Г. Кордонский

Да. Собственно, сословие создаётся для нейтрализации угроз. Есть внешняя угроза — значит, нужны военнослужащие для её нейтрализации; есть внутренняя угроза — значит, нужна российская гвардия; есть угроза нарушения социальной справедливости при распределении ресурсов — значит, нужны государственные гражданские служащие.

Последний анекдотический, как мне кажется, случай — создание службы судебных приставов как сословия. То есть полиция (милиция тогда ещё) не могла исполнять судебные решения, не хотела просто, грязное это дело. Возникла угроза невыполнения судебных решений, что было сформулировано заинтересованными лицами и акцептировано властью. Законом было оформлено создание службы судебных приставов, которые по должности должны нейтрализовать эту самую угрозу.

В силу такого принципа формирования социальной структуры мы живём в постоянном страхе. Наше государство, мягко говоря, трусливо: если рыночные структуры

рискует на рынке и зарабатывают рискуя, то мы живём в страхе перед угрозами, часто мифическими, научившись наваривать на изобретении угроз и на их нейтрализации.

А. Н. Привалов

Ещё вопросы всё-таки? Или с вопросами всё? Замечательно. Тогда перейдём к выступлениям. Виктор Меерович, прошу вас.

В. М. Полтерович, *руководитель научного направления «Математическая экономика» ЦЭМИ РАН, заместитель директора МШЭ МГУ, доктор экономических наук, академик РАН*

Из докладов ясно, что неравенство может быть справедливым и несправедливым. Как подчёркивал Виталий Леонидович, определяется это в конечном итоге в процессе взаимодействия людей. Чем же детерминируется это соотношение между представлениями о справедливости, неравенством и их проявлениями в отношениях между членами социума? Многое зависит от уровня развития страны, от институтов и от гражданской культуры. С самых ранних этапов развития общества и вплоть до двадцатого века элита была необходима для его выживания, а значит, высокое имущественное неравенство было неизбежно.

Принадлежность к элите означала доступ к светскому или религиозному образованию, возможность обучаться военному искусству или администрированию. Элита существовала и в Древнем Египте, и в средневековых государствах. Но по мере общественного развития элита в значительной степени размывается, наряду с политической, военной и религиозной элитами появляются торговая, промышленная, культурная элиты, расширяется средний класс, образование становится всеобщим и снижается уровень имущественного неравенства. Одновременно меняются и институты, и гражданская культура. В этом аспекте очень важно понимать, какие же институты справедливы на каждом этапе общественного развития, какие нет и что это в принципе означает.

В связи с этим я хочу почти процитировать на память Фрэнка Найта¹⁴, основателя чикагской школы, которая после Фрэнка Найта стала двигателем экономического либерализма. У него есть эссе, которое называется «Этика конкуренции». Найт задаётся вопросом о конкуренции: справедливая это игра или несправедливая? И отвечает: нет, конкуренция — игра несправедливая, потому что не предусматривает гандикапов — выравнивания шансов на выигрыш для слабых.

В определённом смысле развитие капитализма с середины XX века — это создание системы гандикапов: государство всеобщего благосостояния — это как раз система перераспределения, которая создаёт возможности для «слабых» поддерживать

¹⁴ Фрэнк Хайнеман Найт (англ. Frank Hyneman Knight; 1885–1972) — американский экономист, разработывал теории предпринимательства, неопределённости и прибыли.

В. М. Полтерович

более высокий уровень жизни по сравнению с тем, которого они могли бы достичь в условиях жёсткой конкуренции.

Но, кроме того,— я этим как раз занимался,— анализ развития конкурентных механизмов (не только экономических, но и политических) показывает, что в этих механизмах всё большую роль играют встроенные механизмы сотрудничества. Это трудно заметить на коротких интервалах из-за случайных флуктуаций, тенденция выявляется на достаточно длинных промежутках времени. Общество, построенное на сотрудничестве, на достижении консенсуса, можно назвать справедливым. Потому что консенсус и есть инструментальное признание справедливости принятого решения.

У меня нет времени для изложения аргументов, показывающих, что в развитых странах значение конкуренции в собственном смысле этого слова постепенно уменьшается. В середине 90-х годов был даже введён термин «коокуренция», синтез competition и cooperation, но это лишь один из аспектов.

Таким образом, оценивая те или иные политические или экономические механизмы с точки зрения справедливости и неравенства, мы должны исходить из того,

что на каждом уровне экономического и культурного развития имеется свой рациональный баланс между неравенством и справедливостью. При этом мнение населения, его отношение к существующим механизмам, существующей власти действительно является важнейшим фактором, который нужно учитывать при такой оценке.

В завершение я хотел бы всё-таки возразить Виталию Леонидовичу относительно того, что у нас всё замечательно, никто не ощущает несправедливости неравенства, существующего в нашем обществе. Меня немного удивляет эта точка зрения, потому что, если взглянуть на результаты опросов «Левада-Центра» или ВЦИОМ, мы обнаруживаем, что неравенство крайне отрицательно воспринимается подавляющим большинством населения. Вот передо мной пресс-выпуск ВЦИОМ от 15 ноября 2016 года, у Левада-Центра примерно те же выводы в другом опросе. Так вот вывод такой: подавляющее большинство респондентов полагает, что в нашем обществе есть неприязнь между богатыми и бедными, и количество так считающих растёт. Их было 81% (обратите внимание на цифру!) в 1991 году и стало 86% в 2016 году.

А. Н. Привалов

В 1991 году ещё не было богатых.

В. М. Полтерович

В 1991 году не было богатых? Я так не думаю. Действительно, если посмотреть формальные данные по неравенству доходов, то в 1991 году оно достаточно низкое, мы находились примерно на европейском уровне. Но надо учесть, что истинное неравенство у нас проявлялось не столько в уровне доходов, сколько в уровне доступа к всевозможным благам, а это неравенство было совершенно чудовищным.

Так вот, согласно опросу ВЦИОМ, напряжённость между коренными жителями и приезжими усилилась в 2016 году по сравнению с 1991-м. Высокая доля респондентов подтверждает наличие противоречий, неприязни между руководящими работниками и простыми рабочими, предпринимателями и наёмными работниками. Большинство населения воспринимает неравенство, существующее в нашем обществе, как несправедливое. И это очень важно, это значит, что нам действительно нужно менять институты, в рамках которых мы живём.

А. Н. Привалов

Спасибо. Общее место, что западный мир скатился к социализму, сильно обогнав покойный Советский Союз, но что источником социализма была чикагская школа — для меня новость, это очень эффектно. Видите, какое дело, как только мы говорим о том, что конкуренция неправильная, надо в неё ввести гандикапы, а гандикапы, мы вам скажем, какие будут правильные, — на этом всё кончается. На этом начинается мировое агентство по допингам, вот всё, на этом всё...

В. М. Полтерович

Смягчение конкуренции — это не мы говорим, это так происходит в развитых странах.

А. Н. Привалов

...что гораздо больше общего благоденствия. Я не буду вступать в дискуссию просто потому, что сейчас не время. Господин Москвин-Тарханов, прошу вас.

М. И. Москвин-Тарханов, советник-наставник мэра г. Москвы

Уважаемые коллеги, я хотел бы воспользоваться случаем и всё-таки попытаться чуть-чуть в будущее заглянуть. Мы говорим о неравенстве сегодняшнем, предполагая, что это, в первую очередь, неравный доступ к материальным благам. Симон Гдальевич показал интересные таблицы — кто у нас в России имеет тот или иной уровень доступа к материальным благам и как это связано с его статусом. Юрий Михайлович замечательно сказал, что не все блага материальные и уважение является мощной нематериальной ценностью в ряде российских сообществ, в чём, может быть, специфика России. Но тем не менее доступность именно материальных благ является важным мерилем неравенства.

В связи с этим, пусть это не покажется странным, я бы хотел посмотреть на проблему глазами учёного-естественника, ведь я не всегда был тем, кем сейчас, а молекулярным биологом и длительное время исследовал живую природу через электронный микроскоп. Но со временем выяснилось, что бывших молекулярных биологов, как и разведчиков, тоже не бывает, и до сих пор я всё равно продолжаю следить в сетевых ресурсах, что там делается, в биологическом мире, порой научные или популярные журналы хватаю и смотрю.

И меня всё более поражает, как на современном этапе развития науки реализуется принцип, который упомянул Виталий Леонидович, — те самые «20 на 80». Колоссальный взлёт и прогресс науки середины прошлого века, когда были Бор и Резерфорд, Сахаров и Тамм, Уотсон и Крик, когда было внедрено в жизнь много новых открытий и технологий (вспомним антибиотики, полупроводники, ядерную энергетику). Сейчас же такое впечатление, что расходы на научные исследования и опытно-конструкторские работы колоссальные, усилия огромные, а движение вперёд при этом становится всё медленнее, шаги трудные и вязкие, как по болоту. Полезность затрат с каждым годом всё убывает, эффективность вложений падает, результаты работ становятся всё менее значимыми, перспективы новых разработок — сомнительными.

Такое впечатление создаётся, что те самые 80% научно-технического прогресса уже были пройдены в прошлом и позапрошлом веках, сегодня же мы находимся в низко эффективных 20%, на которые придётся всё больше и больше усилий и всё меньше и меньше отдачи.

М. И. Москвин-Тарханов

Прогресс научно-технический, как мы его понимаем, всё более замедляется, а в некоторых отраслях уже практически останавливается либо у физических и технологических границ, либо у границ экономических и социальных. Одни опытно-конструкторские разработки становятся физически невозможными, другие — сверхсложными в производстве и ненадёжными, третьи — экономически невыгодными и реально почти не нужными потребителям. Новых же прорывных направлений, связанных с фундаментальными открытиями, осталось совсем немного, а многие идеи, которые появляются, не могут иметь и в будущем никакого применения (вроде представлений о темной материи или открытия гравитационных волн во Вселенной).

А сколько было надежд на безудержный прогресс — вспомним фантастику и футурологию. Релятивистская и квантовая физика научили учёных мечтать. Но не сбылось, и прогнозы на будущее плохие: не будут цвести яблони на Марсе; не будет летать на Тау Кита фотонный звездолёт; не будем путешествовать по галактикам в гиперпространстве; не пробурием мантию до оливинового пояса Земли, чтобы добыть оттуда сколько угодно металлов, как мечталось; не будут плавать по морям огромные фермы, где будут выращиваться киты, — всё это уходит в область сказок. Даже

термоядерную электростанцию всеми соединёнными силами человечества построить и то не можем или до Марса разочек долететь, чтобы после уже никогда там не появляться (как это произошло с Лунной программой).

Да, технологии по мелочи совершенствуются, появляется iPhone десятого поколения, но он мало чем принципиально отличается от предшествующих моделей, просто — модификация, будут и другие образцы, с ещё менее эффективными вложениями и убывающей потребительской полезностью.

Только на рекламе и может ещё этот «прогресс» как-то продержаться. Да как был принципиально устроен двигатель Daimler-Benz внутреннего сгорания в 1907 году, так, в общем, устроен и современный двигатель Rolls-Royce для Bentley. Правда, с большим количеством усовершенствований, главным из которых за сто лет стала автоматическая коробка передач — важный фактор женской эмансипации.

Пожалуй, сегодня главная сфера, в которой мы ещё быстро продвигаемся, — это связь, информатика, компьютерные технологии, робототехника, искусственный интеллект. Даже успехи современной медицины и биологии (МРТ и компьютерная томография, исследование генома, геновая инженерия и прочее) связаны с развитием информационных технологий. С потребностями информатики и медицины также тесно связаны разработка материалов и создание новых производственных технологий — вспомним 3D-принтеры.

Тут я хочу сузить тему до вопросов собственно новейшей медицины. По мере внедрения технологий медицина становится все более эффективной, сложной и дорогой. При этом, однако, чудес вроде вечной молодости и панацеи от всех болезней от неё ждать в принципе не приходится, как и упомянутых марсианских яблок или «пыльных тропинок далёких планет» от развития космических программ.

Да, люди смогут продлевать свою молодость, свою трудовую жизнь и свою жизнь вообще, но дорого и совсем ненадолго. Это уже мы видим сегодня: недавно умер миллиардер Рокфеллер, который пересадил себе три сердца молодых людей, но они быстро деградировали одно за другим в его дряхлеющем организме и разрушались. Потом он всё равно умер, конечно, Бог прибрал. Каждый дополнительный год жизни будет стоить богатым людям всё дороже, и никакие государственные программы не обеспечат доступность к этим лишним годам и кусочкам уходящей молодости всех прочих, потому что затраты это будут невероятные и ничем не восполняемые, то есть даже среднему классу это будет недоступно.

Просматривается обострение социального неравенства в среднесрочной перспективе, когда одни будут пользоваться обычной медициной, вполне хорошей, и жить в среднем до 80 лет, другие же с помощью огромных затрат будут «выжимать» себе ещё по 15–20 лет с помощью, например, искусственно выращенных органов, стволовых клеток, особых биологически активных веществ, гено-инженерных технологий и «умных протезов», чтобы, покоптив так небо и растратив капитал, отправиться на кладбище к облегчению окружающих.

Будет ли это неравенство острым — не знаю, это интересный вопрос, потому что я не знаю, может, люди возрастут нравственно, обратятся к религии и махнут рукой: пусть богатые живут, как хотят, а мы будем жить свою жизнь, отмеренную нам нашей биологической природой, и заботиться о здоровье и жизни, не впадая в жалкое за неё цепляние, недостойное развитой человеческой личности. Или это станет предметом социальной зависти, разлагающей общество проблемой?

Не знаю, но важно отметить то, что это социальное неравенство непреодолимо технологически, экономически и никаким другим способом, что, по-моему, очевидно. Мысленно заглянув в будущее, этот вопрос мне бы хотелось подвесить в воздухе, потому как на него однозначный ответ дать не могу.

Но в самой постановке вопроса об истощении и исчерпании потенциала научно-технического прогресса человечества вообще есть большая правда и смысл. Прогресс останавливается, тормозится. Мы видим, какие колоссальные затраты идут в ЦЕРНе, как велики усилия государств и научных сообществ, чтобы продвинуться в познании мира ещё «на миллиметр». Мы ползём как улитка по склону, а ещё 30 лет назад шли вперёд быстро, сто лет назад вообще прыгали как кузнечики, и до того были сделаны величайшие открытия и созданы технологии почти из ничего. Учёные и изобретатели делали их на кухне, на грядке или в сарае, как Эдисон в вагончике. Сегодня же видно отчётливо, как буксует, тормозится и останавливается прогресс, может быть, мы живём в последнем веке научно-технического прогресса, а далее человечеству придётся искать иные смыслы.

Что делать-то будем? Мы же привыкли думать, что прогресс бесконечен. Мы мечтали летать на звездолётах — их не будет. Мы хотели посмотреть, что делается на Уране, может, долетим разок когда-нибудь, но зачем? Мы, конечно, можем представить из общих соображений, что есть какие-то щели в пространстве, струны и иные чудеса Вселенной, но от их узнавания ничего не поменяется в земной жизни большинства, это же просто игры научного ума, которых иные заменяют беседами в социальных сетях.

И всё же любопытно, как будет выглядеть проблема неравенства лет через 50?

А. Н. Привалов

Не могу ответить на ваш вопрос полностью, но готов дать одно простое соображение: если не будет достигнуто впечатляющих очевидных успехов в борьбе с Альцгеймером — никакой зависти у бедных к долгоживущим богатым не будет.

Господин Сатановский, прошу вас.

Е. Я. Сатановский, президент научного центра «Институт Ближнего Востока», профессор ИСАА (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Я давайте от лица приматов перед высоким собранием скажу. Да, конечно, крупные гоминиды... Смотрите, уважаемые коллеги, я не очень серьёзно, если можно,

Е. Я. Сатановский

буду говорить, потому что, Михаил Иванович [Москвин-Тарханов], мы все умрём, кто раньше, кто позже, это ужасно несправедливо, но если у вас есть предложения, то — пожалуйста. Насчёт бессмертия Свифт всё написал. У меня мама без высоких технологий только что умерла в 93 года. Так вот не дай бог доживать до возраста, как говорит Жванецкий, когда согласие женщины пугает значительно больше, чем отказ. Потому что смысл этого доживания как-то теряется. Ты живёшь, мучаешься, а потом в какой-то момент выясняется, что тебе надо пару дней перед смертью прожить на морфине, иначе так больно... Зачем такая жизнь? И это практически у всех. Поэтому бессмертный... Я люблю слушать, как Володя Соловьёв [теле- и радиоведущий], мой добрый друг, которого многие справедливо или несправедливо не любят, рассказывает про бессмертие. Господи, несчастные бессмертные,— я даже не про деньги, просто зачем?

Теперь смотрите, коллеги, у нас есть... Мы всё больше о высоких материях, а я всё-таки еврей, такой практически профессиональный всю свою жизнь. Понятно, что в нашей еврейской традиции,— что младшей дочерней нашей религией, христианством, перенята в значительной мере и чуть-чуть развито и исламом

тоже,— по определению про неравенство даже речи нет. Какое равенство может быть между людьми? А вот про справедливость — очень много, весь Талмуд (который толком никто не читал, потому что ты поди его ещё переведи с арамейского) про справедливость, про то, что бывает в этом случае или в том, как вести себя с вдовами или с сиротами, как должен вести себя правитель. И так уж получилось, что до нашего народа никаких проблем с этим не было; в ассирийский населённый пункт женщина зашла — кто поймал её, тот и употребил по прямому назначению, а после — рабство. Дикие были времена. И люди такие же.

То есть первое всё-таки — кодификацию, как вести себя с человеком, не защищённым тем, что он твоего собственного племени, и вообще не известный никому иностранец, ввели евреи, и нас справедливо ругали всю античность, что у всех рабы как рабы, а у этих идиотов на седьмой год положено отпускать. Как это? Вообще, это нормальный человек, если на седьмой день ему нельзя работать? Почему нельзя? Но тем не менее как-то укоренилась.

В этом плане, если не говорить об отвлечённых материях, то ведь государство, наша система, наша клептократия, наша ОПГ, построенная так или иначе, в конечном счёте выживает исходя из того, справедливая система или нет. Если несправедливая, то, когда ему наступает кирдык, его никто не защитит, как было 100 лет назад, просто никто не поднимется. И пропадите вы пропадом. Хотя лично государь император, который ещё незадолго до того писал, что у него профессия — хозяин земли русской. Армия отмотелизована, гвардия, но ни одна зараза не защитила. И церковь сдала. Теперь она хочет провести процесс насчёт ритуальных убийств: не ритуально ли его убили большевики? Я сразу понимаю, кто же те большевики, которые ритуально, видимо, его убили, судя по тому, что сегодня на Архиерейском соборе обсуждалось. Вернулись мы в Средневековье. Это к вопросу о церкви — насчёт братства и равенства.

Не надо полагать, что если структура говорит, что она хотела бы занять место КПСС и владеть умами, то она принесёт братство. Это не принесёт. У нас со справедливостью всё хорошо, как известно, и вся Академия наук, вместе взятая, со своими мозгами, изобретениями не стоит Ковальчука и Фурсенко в глазах верхнего начальства — и такова у неё судьба. Вся наша культура, все наши музейщики, вместе взятые, не стоят одного замминистра (я сейчас говорю об Аристархове) и одного министра (я сейчас говорю о Мединском) с их сложными биографиями и репутациями. И откровенно идёт такой процесс... И законы принимаются под разграбление музеев в частные руки. Потому что мы пока идём инерционно по пути распада и разграбления империи, а тут большие активы, и ещё не всё разворовано.

Думает ли высокое начальство о чём-то, что будет после него? Конечно, думает, но параллельно защищает интересы своей группы, по случайности питерской, но могло быть и хуже. По случайности «папа» главный у нас — Владимир Владимирович, но могло быть и гораздо хуже.

Поэтому всё-таки давайте поднимать, пока всё не развалилась, некоторые вещи насчёт справедливости. Справедливости у нас нет, стремление к ней есть, и чем больше стремимся, тем хуже становится. Но позитив здесь какой? Сто лет назад справедливость была в том, что население образованное понимало, что можно пристрелить губернатора или министра — и справедливость настанет. Сегодня у нас есть опыт этих ста лет: население стрелять губернаторов или министров не пойдёт, что делать — оно не знает, и я тоже не знаю, потому что, кроме как застрелить их, ничего в голову не приходит, разве что повесить или утопить.

Но есть клапан: уехать. Туда, где общество организовано так, что люди сравнительно молодые или те, которым совсем настохорошело, могут себе найти какое-то место и просто поработать там, где здесь бы хотели, а не получается. Это хороший клапан, он спасает от революции. Революции, как известно, вызываемые несправедливостью, куда хуже любых несправедливостей, которые их вызывают, хоть у французов, хоть у нас. У меня есть семейный опыт. И мне не хочется убивать людей в том количестве, которое надо, чтобы выжила семья, когда всё рухнет.

Но до 30-х годов, когда оно [общество], скорее всего, рухнет в следующий раз или попытается обрушиться, у нас есть некоторое время, — это тоже хорошо. Потому что начальство до 2024-го досидит, потом уйдёт в дэн сяопины, кому-нибудь сдав власть, потом пройдёт короткий период, такой Медведев-2.0, а уже потом обычно бывает всё совсем плохо. И элиты... С точки зрения губернатора, несправедливо, если его снимают, и почему он должен вообще кого-то слушать? И почему он на алмазах, лесе, нефти, газе, портах, или что у него есть, не должен быть сам себе президентом? Мы же видели: распады больших империй — неважно, Рим это, Китай, Византия, что угодно — всегда порождают куда более мелкие образования, чем сегодня у нас. Мы доживаем в метрополии имперской. А до этого много ещё случится — и с Украиной, и с Казахстаном, и с постсоветской Центральной Азией.

Вот, наверное, в 30-е годы, до которых мы, скорее всего, в большинстве не доживём — и это хорошая новость, нам об этом думать не придётся, — будет что-то следующее на тему распада страны. Идеально, если в рамках справедливости или несправедливости, я уже не знаю. Ну, губернаторской справедливости, или кто там тогда будет субъекты федерации возглавлять. Гарантия почти 100%, потому что понятно, почему Чечня должна быть в составе Российской Федерации, пока есть связка Путин-Кадыров, и совершенно непонятно, что будет, когда Владимира Владимировича не будет, — зачем Кадырову всё это?

Это на ближайший отрезок пути, который у нас есть. Было бы очень здорово и справедливо, если бы высокое собрание в каждой из своих профессий участников смогло бы её [страну] не только развивать, как оно делает, а хотя бы фиксировать, что в ней было и что на какой-то момент они помнят либо они видят. Чтобы хотя бы какие-нибудь будущие поколения когда-нибудь это возродили. Ибо идеи о каком-то новом пути возрождения экономики на сегодняшний момент у меня точно нет. А дальше — как повезёт или не повезёт, как карты лягут.

А. Н. Привалов

Судя по вашему выступлению, Евгений Янович, приматы — веселейшие ребята. Господин Егеров, прошу вас.

С. В. Егеров, *главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук, профессор*

Спасибо. В контексте сегодняшнего обсуждения представляется полезным кратко прокомментировать важные для общества ситуации, когда неравенство выступает как неодинаковость. А где неодинаковость — там разнообразие, там диверсификация. Тут открывается безграничный простор для обсуждения.

Чтобы уложиться в пять минут, отметим, что разнообразие и диверсификация — это не только те понятия, что на слуху: диверсификация инвестиционных портфелей и био-разнообразие. Мы выходим на основополагающий принцип: диверсификация элементов — это условие устойчивости больших систем, а больших систем в нашей жизни пока ещё хватает.

Приведём первый из нескольких примеров. Вот мы входим в наш любимый универсам и видим, что вместо ещё недавно радовавшего глаз продуктового разнообразия на полках до горизонта стоят одни и те же коробки с макаронами. Причём раньше они стояли так плотненько торцами, теперь они стоят плашмя, чтобы занять побольше места. И так, продукты в магазине есть, но что-то нам подсказывает, что магазин вскоре ожидает неминуемое банкротство. Товар не разнообразный, он одинаковый, равный себе — это верный показатель неблагополучия.

Второй пример показывает, что разнообразие — основа здоровья сложных систем, но это ещё и механизмы управления этими большими системами, и эти механизмы ещё не до конца изучены. Этот пример я приведу, ссылаясь на рассказ одного нашего известного геофизика, академика СО РАН. Вот его рассказ о двух картах Сибири. Первая карта Сибири составлена энтомологами, и она про разнообразие видов комаров, которых наблюдали на территории от Урала до Камчатки. Там где-то около 90 видов комаров, но это разнообразие распределено неравномерно. Вот карта и показывает: там, где сгущение цвета, — разнообразие комаров высокое, бледные области соответствуют однотипному комариному населению.

Вторая карта ещё в стадии разработки — карта разведанных запасов углеводородов на территории Сибири. Эта карта, в отличие от первой, не закончена, потому что комаров «подцепить» гораздо проще, чем разыскать подземные резервуары. Важно то, что обе карты коррелируют друг с другом: в местах, где есть сгущения на энтомологической карте, то есть большее биоразнообразие видов комаров, там есть и нефтяные запасы. Поэтому сейчас геофизики с большим интересом изучают первую карту, даже меняют планы своих экспедиций, а энтомологи — вторую. Возможно, что кооперация специалистов двух столь различных областей поможет найти, не кроются ли богатства недр там, где их никто пока не искал.

И третий пример — более грустный. Он связан с тем, о чём мы уже неоднократно обсуждали на наших заседаниях. Это эпидемия слияния, поглощения, унификации

С. В. Егоров

научных и проектных организаций. Эта эпидемия длится уже скоро 20 лет, и конца ей не предвидится. Разнообразные, непохожие друг на друга организации науки и образования подгоняются под общий шаблон, слипаются, как снежный ком, причём с одинаковой преамбулой в указующих документах: «...с целью исключения параллелизма и для концентрации ресурсов на самых важных, интересных направлениях, объединить такой-то исследовательский институт (вуз) с таким-то, таким-то и таким-то».

Тут полезно вспомнить 50-е — 70-е годы. Тогда у нас царил тенденция к унификации бытовой жизни. У нас были одинаковые телевизоры, одинаковая одежда, но там, где дело касалось исследовательских, и тем более оборонных организаций, — там руководство следило за тем, чтобы сохранялось их разнообразие и была конкуренция. Из истории космонавтики мы знаем, насколько жёстко конкурировали ракетные космические КБ. Однако никогда эта конкуренция не выходила на попытку одной организации проглотить другую, да никто бы и не позволил. А сейчас — пожалуйста.

Относительно свежим примером является наделавшее шуму слияние трёх авторитетных, не похожих друг на друга академических организаций: Институт

системного анализа, Институт проблем информации и Вычислительный центр объединили под одной крышей, сформировали некую «сверхорганизацию»¹⁵. Пока их непохожесть сохраняется, но тенденции к унификации, увы, налицо.

Я пока не прокомментировал второй термин в названии заседания: «справедливость». Вот как скажу: управленческие решения, не учитывающие весь аспект понятий неодинаковости, в том числе законов природы и общества, являются очень и очень несправедливыми. Спасибо!

А. Н. Привалов

Спасибо. Я просто помню, что давным-давно говорили, что Господь разместил нефть либо там, где сильно жарко, либо там, где сильно холодно. Оказывается, что там, где много кровососов. Всё одно к одному.

С. В. Егерев

Много разных.

А. Н. Привалов

А вы знаете, на себе-то не ощущаешь особенной разницы.

Е. Я. Сатановский

Тогда — в Москву, у нас столько кровососов.

А. Н. Привалов

Владимир Степанович, прошу вас.

В. С. Мясников, *главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, профессор, доктор исторических наук, академик РАН*

Есть сфера деятельности человечества, где справедливость и равенство должны были бы торжествовать,— это международные отношения. Есть устав Организации Объединённых Наций, всё было сделано для того, чтобы после Второй мировой не было войн. Но, как мы видим с вами, человечество развивается совсем по другим законам. Не только в индивидуальном плане отношений одного человека с другим, но и одного государства с другим.

Государства делятся, как вы знаете, на сильные, средние, слабые, то есть государства глобального влияния, регионального влияния и местного. Поэтому японцы сформулировали: чтобы выжить Японии, ей нужно прижаться к кому-то государству — к Соединённым Штатам, и они это сделали. Китай сказал, что он ни к кому прижиматься не будет, он сам по себе будет развиваться, и так далее.

¹⁵ Для справки: это объединение произошло на основании приказа Федерального агентства научных организаций № 1421 от 31 декабря 2014 года. — С.Е.

В. С. Мясников

Здесь можно приводить массу примеров и справедливости, и несправедливости. Устав Объединённых Наций отнюдь не является препятствием к разного рода действиям, нарушающим этот устав, я бы так сказал.

На что я бы хотел ещё обратить ваше внимание. Каждое государство должно блюсти само себя, чтобы его уважали в мире. Приведу один потрясший меня пример из нашей жизни. У нас по договору установлена граница с Китаем, которая должна быть нерушимой, справедливой и так далее. И вот на прошлой неделе выясняется, что протяжённость границы когда-то составляла 7600 километров, сейчас — 4200. На этих 4200 километрах 46 переходных пунктов, то есть можно пройти из России в Китай и из Китая в Россию. В основном эти пункты работают из России в Китай. Почему? Потому что из 46 пунктов — 41 приватизирован.

Нигде в мире нет такого, чтобы кто-то приватизировал границу, чтобы переходные пункты были в руках частных лиц... [Реплика: Украина] Ну, Украина, извините, сама по себе. Сегодня уже в Государственной думе обсуждается, как же так, столько лет с первых дней новой власти утекало огромное количество богатств из нашей страны в Китай! Китайцы говорят, что у нас сегодня с вами самые лучшие отношения

с начала их установления — 400 лет исполнится в будущем году. Самые лучшие, конечно, когда такое количество богатства, всего, что производится в стране, в Сибири в первую очередь, утекает в Китай через частные руки!

Конечно, обсуждение на нашем с вами уровне межличностных отношений — это одно, и всё-таки должно быть постоянное обсуждение где-то в рамках Организации Объединённых Наций. Бывают такие обсуждения, мы видели с вами не так давно, все лидеры ведущих государств выступали. Но каждый выступал со своей программой, никто не говорил об общем деле — о том, чтобы Организация Объединённых Наций соблюдала и наблюдала за государствами, чтобы они вели себя в соответствии с уставом.

А. Н. Привалов

Спасибо, Владимир Степанович. Валерий Леонидович, прошу вас.

В. Л. Макаров

Я хотел бы очень вас поддержать насчёт разнообразия [С. В. Егереву]. Очень правильный пункт, который многое объясняет из того, что не совсем понимают. Что касается неравенства и справедливости, которые мы обсуждаем, то, видимо, правильно сложилось такое пессимистическое мнение, что неравенство растёт. Причём это измеряется, все виды неравенства более-менее измеряемые, и видно, что оно растёт.

Что касается справедливости — несправедливость в глазах людей тоже постоянно растёт, хотя это уже измеряется не так чётко, как неравенство. Мы же это видим каждый день, как, например, с этой историей с допингами и Гагским судом, про который все уже говорят, что более несправедливых судебных решений трудно себе представить. Несправедливость возрастает.

Вместе с тем я хотел бы высказать мнение, которое считаю оптимистичным. Мы сейчас говорим о неравенстве и справедливости применительно к обществу. Человеческое общество эволюционирует, постоянно совершенствуется, и это означает, что в нём постоянно растёт сложность. Есть уже книжка, написанная о сложности экономики и о сложности общества — это тоже измеряемые вещи, хотя заимствованные у математики. В математике давно существует понятие сложности и способы её измерения.

Так вот более-менее понятно, что сложность растёт, потому что общество эволюционирует и совершенствуется. А раз растёт сложность — и не только поэтому — растёт разнообразие, его можно измерить. У нас в ЦЭМИ есть уже лаборатория, в которой занимаются как раз измерением разнообразия. И от того, что разнообразие растёт, ничего плохого нет. Математики говорят, что не может быть бесконечного разнообразия, как и не может быть бесконечной простоты, где-то находится оптимум. Но сейчас общество усложняется, разнообразие увеличивается во всех областях: законы, правила, количество видов спорта и пр. всё время увеличиваются. Но так

устроен мир, это общая закономерность. Поэтому так уж грустить о том, что у нас всё больше неравенства, всё больше несправедливости, — ничего другого нет, мы должны к этому приспособиться, здесь есть и плюсы, и минусы. Но плюсы тоже есть, и именно об этом я только хотел сказать — что плюсы есть.

А. Н. Привалов

Спасибо. Вот чем отличаются приматы от людей — у приматов нет плюсов, а у людей есть.

Е. Я. Сатановский

Дело в том, что реальность показывает как раз, что эволюция от Веймарской республики к Третьему рейху, безусловно, хорошее дело, но тут вопрос. У нас упрощается общество, и не только в лингвистике, в языке упрощается со временем, и это видно. По сравнению с временами Вернадского, биоразнообразие сельскохозяйственных культур чудовищно сократилось. Я бы не сказал, что эволюция приводит к разнообразию, она как раз приводит сегодня к унификации, глобализация ведёт к упрощению. И упрощение это часто совершенно катастрофическое, потому что спасти то, что вымирает, уже не удастся.

Извините, пожалуйста, но это к вопросу об эволюции.

А. Н. Привалов

Евгений Янович, боюсь, что вы тут правее, чем господин Вебер. Господин Погарский, прошу вас.

М. В. Погарский

Количество языков действительно уменьшается, если было их тысяча, то сейчас...

Е. Я. Сатановский

Но и сложность — не только о вымирании языков я говорю. Уж извините, с компаративистикой [сравнительно-историческое языкознание] имею дело много лет (ребята работают хорошо, старостинская школа, несмотря на смерть Серёжи), и я такой же пессимист, как в отношении Организации Объединённых Наций, которая есть тяжелейшая, легко покупаемая мафия, и стоимость её известна. Не дай бог, если вами пытаются управлять ООН: Тимор–Лесте, палестинская тема... Нет, конечно, не будем совсем о грустном, оптимизм — великая вещь, но реальность...

М. В. Погарский

Я хотел прежде сделать небольшую реплику по поводу выступления Михаила Ивановича [Москвина-Тарханова]. Пересадка сердца — это всё уже из прошлого века, сегодня основные системы омоложения предельно демократичные — это доступное

любому клошару самое обыкновенное голодание. Вся Силиконовая долина сегодня голодает, и со времён Поля Брэгга системы голодания страшно модифицировались, упростились, это очень доступно и достаточно легко. Это так, короткая реплика.

Рассказать я хотел пару историй из мира искусства. Во-первых, об апологете равенства, апологете уравнения возможностей — об Энди Уорхолье¹⁶. Энди Уорхол, как известно, рисовал одинаковые бутылки Соса-Кола и считал, например, самым красивым местом в Лондоне McDonalds, а самым красивым местом Парижа — McDonalds. А в Советском Союзе и в Китае нет красивых мест, потому что там нет McDonalds. А Соса-Кола — это его справедливое мнение — это абсолютно напиток равных возможностей. То есть, скажем, очень состоятельный, очень богатый человек — шейх, Билл Гейтс и так далее может позволить себе выпить очень элитного вина, элитного чая, элитный кофе, но Соса-Кола он будет пить точно такую же, как пьёт последний клошар под мостом. Соса-Кола может быть в более дорогой упаковке, из более дорогого стакана, но вкус её не изменится.

Суть этой история очень простая: если мы хотим жить в мире равных возможностей, то мы будем вынуждены жить в мире McDonalds и в мире Соса-Кола.

Вторая история тоже метафоричная — как один замечательный художник, итальянец Мандзони¹⁷, решил уравнивать золото и своё дерьмо. То есть он взял и закатал в консервные банки своё дерьмо, написал на них: «Дерьмо художника» и выставил в галерее по цене золота. В каждой банке было 30 граммов дерьма, и каким был в то время индекс золота на Лондонской бирже, по такой цене он и поставил. Оказалось, когда дерьмо и золото уравниваются, то цена на золото впоследствии может скакать и падать, а цена на дерьмо Мандзони только росла и стала гораздо выше, чем золото.

Вот такие две метафорические истории, которые мне хотелось рассказать, чтобы несколько оживить нашу дискуссию.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Господин Петров, прошу вас.

Ю. А. Петров, директор Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор

Хотел поблагодарить докладчиков: несмотря на трудный рабочий день, нас хорошо взбудрили интересные выступления. К этой проблеме можно подходить по-разному. Можно с точки зрения, прежде всего, критики государства: власть

¹⁶ Энди Уорхол (англ. Andy Warhol; наст. имя Andrew Warhola; 1928–1987) — американский художник, продюсер, дизайнер, писатель, коллекционер, издатель журналов и кинорежиссёр, Культовая личность в истории поп-арт движения и современного искусства.

¹⁷ Пьеро Мандзони (итал. Piero Manzoni; 1933–1963) — итальянский художник, известный концептуальными работами, представитель эпатажа в искусстве.

Ю. А. Петров

отвратительна как руки брадобреля, потому что она, как известно, всегда корыстна. И в этом смысле я — может быть, как историк говорю — нахожусь в «духовной эмиграции» и плохо знаю современную жизнь, и не владею ни экономической теорией, ни исследованиями ВЦИОМ.

А. Н. Привалов

Прекрасный образец академического кокетства.

Ю. А. Петров

Но тем не менее я думаю, что все государства примерно одинаковые, и все они нацелены на то, чтобы перераспределить ресурсы так, чтобы себя не обидеть. Даже наш дражайший император Николай Александрович Романов имел в государственном бюджете Российской империи графу, которая называлась «Расходы на известные его величеству надобности». А сумма там была — миллиона полтора. Может, это были на Фаберже императрицы, а может быть, и на другие, менее красивые вещи, в которых он себе не считал возможным отказывать.

Но вот наш разговор удивительным образом связался с некоей реальностью, с которой приходится сталкиваться. Сейчас в Академии наук, сегодня уже упоминаемой, самая горячая тема — это делёж материальных стимулирующих надбавок, которые выделило нам Федеральное агентство научных организаций. Надо сказать, в достаточно крупной сумме, неожиданно даже крупной. Подразумевается, что этими надбавками в какой-то мере будет закрыта проблема исполнения майского Указа президента 2012 года о повышении зарплат научным сотрудникам.

Хорошо, действительно суммы там немалые. Но вопрос в том, как делить? Разумеется, сейчас применяется дифференцированная система, так называемая балльная, где учитываются все результаты работы учёного — книги, конференции, статьи и так далее.

Но что самое интересное, отнюдь не все и, может быть, даже не большинство людей эту систему одобряют. У них такая психология: пусть я получу немного, но пусть и мой коллега тоже не получит много, даже если он хорошо работает. Эта общинная психология (не оскорбляя общину говорю) продолжает у нас действовать в форме такой стихийной справедливости. Насколько она разумна — не уверен, наверное, не всякое требование равенства может быть названо справедливостью.

Я бы хотел здесь как историк вспомнить, и у меня есть поддержка со стороны Юрия Михайловича [Плюснина], который тоже вспомнил о веке Просвещения. Действительно, сама идея равенства оттуда. Ведь трудно говорить о равенстве между рабовладельцем и рабом или сеньором и феодальным крестьянином. Там даже такой темы не возникало, и не могло возникнуть по определению. Всё произошло в XVIII веке, эта идея идёт от Руссо. Его знаменитый трактат «Общественный договор» начинается со слов: «Человек рождается свободным, а между тем он повсюду в оковах». Именно в этом и была вся соль века Просвещения: человек равен, он свободен, он рождается таким же, как все остальные, но почему тогда аристократия претендует на большее равенство, чем крестьяне?

В результате пришла Французская революция, формула из этой «троицы»: *Liberté, Égalité, Fraternité*. Но, надо сказать, что *Égalité*, пожалуй, первым выпало из этой триады. Наполеон, как известно, заменил это слово другим французским словом — *Propriété*, собственность. Буржуазии уже нужно было не равенство, а идея собственности — это её идея.

Вспоминая Манифест Коммунистической партии Карла Маркса, написанный, кстати говоря, замечательным языком, я вспомнил строчку о том, что буржуазия «в ледяной воде расчёта» утопила религиозный экстаз, рыцарскую доблесть. Да, она утопила эти химеры Средневековья. Родив нового монстра — то самое рыночное неравенство, о котором сегодня говорил Симон Гдальевич [Кордонский], равенство перед законом, но фактически полное имущественное неравенство.

Что получилось? Получилось то, о чём в своё время писал Александр Блок в поэме «Возмездие». Поминая XIX век, он говорил:

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!).
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели тёмные дела...

При всём своём мистицизме поэт глубоко почувствовал этот разлом. Действительно, век Французской революции, век формального равенства — он должен был, наверное, завершиться попыткой установления равенства фактического, равенства социального, я имею в виду наш 1917 год. Это прямое продолжение, как я считаю, Французской революции. Вопрос, конечно же, не в том, что я приветствую революцию. Она была национальной трагедией, громадной трагедией для всех нас, но то, что в ней была заложена энергия мечты о социальном равенстве, о справедливости, — это безусловно.

Говоря о справедливости, у меня возникла ассоциация. Какой корень у этого слова? Здесь слышится и «правда» — исконное русское слово, обозначающее справедливость; и слово «праведность», то есть святость и исполнение божеских законов. И говоря об особенностях русского народа, к которому я принадлежу, [с иронией] Евгений Янович, я должен заметить, что у моего народа тоже есть свои прекрасные традиции и черты менталитета, о которых в этой связи хотел бы вспомнить. Русская община — что это такое? Это царство справедливости? В общем-то да, переделы земли происходят регулярно, никто формально не обижен, делёжка идёт по числу душ — то есть «как Бог дал» — детей. Но фактически это некоторый тупик, как мы понимаем, потому что нет стимула к труду.

И, однако же, как силен этот менталитет! В 1917 году стоило только большевикам издать «Декрет о земле», — поделили не только помещичью землю крестьяне, они фактически втянули обратно в общину всех выделившихся по столыпинской реформе крестьян. Исследователи даже называют этот феномен «общинной революцией 1917 года». Она фактически покончила со столыпинской реформой и снова возродила эту общину, в которой выживать легче.

Богатеть, конечно, труднее. Наверное, это общая черта всего человеческого рода — стремление к такому низшему равенству, чтобы твой сосед не был богаче тебя. В какой-то мере, наверное, это черта общечеловеческая — такая, как зависть. Я недавно прочитал, в чём смысл греческой трагедии, где в конце все погибают? Абсолютная безысходность. В чём катарсис, в чём очищение? И оказывается, мне объяснили, что зрители-греки испытывали облегчение при наблюдении этой трагедии, потому что у меня-то легче, у меня-то хоть не такие проблемы, как у Эдипа. И это было чувство, как его назвать... это чувство облегчения от страданий другого. Если это называется стремлением к справедливости, то — нет, от такой справедливости увольте.

В заключение хотел бы сказать, что мне очень понравилось рассуждение Юрия Михайловича об «уважаемых людях», хотя мы ещё со времён Аркадия Райкина знаем,

что к ним относились и старший товаровед, и продавец обувного отдела. Была такая уже «элита». Но то, что она в современных условиях воспроизвелась, видимо, в гораздо больших масштабах и уже без контроля партийных органов разрослась,— это, конечно, очень интересно. Я хочу поблагодарить докладчиков за то, что я сегодня узнал кое-что новое для себя о своей стране. Спасибо.

А. Н. Привалов

Спасибо, Юрий Александрович.

С. Г. Кордонский

Это не замена партийным органам, это их эквивалент, то есть гражданское общество служивых людей, о котором Юрий Михайлович рассказывал,— это фактически объединение людей, живущих на одной территории, связанных общими интересами. Это гражданское общество не организовано, и не может быть организовано. Не дай бог организация — тут же припишут «организованную преступную группировку». Но оно институализировано. Эти институты — баня, ресторан, спорт, приход в последнее время, охота, рыбалка. Или прогулка вечером. Как мне сказал один замглавы администрации одной области: «У нас вот этого нет, мы гуляем вечером».

Ю. М. Плюснин

Потом, они никогда никуда не исчезали. Они как были, так и остались.

Ю. А. Петров

Я вас понял, хотя я имел в виду примерно то же самое, только у каждого в кармане тогда был билет партии. А сейчас у них формально этого билета нет.

С. Г. Кордонский

Там другое в кармане бывает.

А. Н. Привалов

Спасибо. Семен Аркадьевич прошу вас.

С. А. Экштут, *руководитель Центра истории искусств ИВИ РАН, доктор исторических наук, профессор; писатель*

Спасибо большое. Я очень признателен нашим докладчикам, потому что они заставили меня под несколько необычным углом зрения посмотреть на столь любимый мной Петербургский, или императорской, период истории России, в котором я, по сути, наверное, живу.

Для начала небольшой исторический анекдот. Это было в 1918 году, когда Фёдор Иванович Шаляпин уже столкнулся с конными матросами, которые сделали у него обыск. Шаляпин пришёл в полный ужас, потому что, как он написал, матросы

С. А. Экштут

не должны быть конными: если в России появились конные матросы — из России нужно эмигрировать. Тем не менее он сделал последнюю попытку как-то уладить свои взаимоотношения с новой властью, пригласил к себе финского революционера-коммуниста Эйно Рахья, служившего в охране Ленина: в 1917-м Эйно Рахья даже помогал Ленину переходить границу из Разлива в Финляндию, а потом — обратно в Петроград.

Рахья был любитель выпить. Шаляпин выставил коллекционный портвейн. Они выпили. И через некоторое время Эйно Рахья, глядя в упор на Шаляпина, — тот поёжился, — сказал: «Скоро мы таких, как ты, будем уничтожать, резать просто». «За что?» — спросил обескураженный Фёдор Иванович. «Всякий талант есть неравенство, есть несправедливость. А мы за равенство и справедливость».

Шаляпин на всю оставшуюся жизнь запомнил эти слова и процитировал их в своей книге «Маска и душа»: «Талантливых людей надо резать, потому что ни у какого человека не должно быть никаких преимуществ над людьми. Талант нарушает равенство». В конце апреля 1936 года Эйно Рахья умер в своей постели — от туберкулёза и злоупотребления алкоголем. Конец анекдота.

Вот я подумал: а в царской России какое неравенство считалось справедливым, что стояло на первом месте по значимости? Ясно, что не деньги. На первом месте стояла близость к монарху. И мало кто знает, кроме, может быть, историков, специалистов, какую награду хотел получить генерал-аншеф граф Александр Васильевич Суворов за штурм Измаила. Про фельдмаршалство — это всё ерунда, этого не было, это потом придумали беллетристы. Он хотел получить звание генерал-адъютанта государыни, оно открывало прямой доступ к царице, а для него это было важно, потому что важнее этого нет ничего.

А. Н. Привалов

К Екатерине?

С. А. Экштут

К Екатерине, к матушке.

А. Н. Привалов

А не к жене Павла I?

С. А. Экштут

Великая княгиня Мария Фёдоровна в это время была всего-навсего супругой наследника престола Павла Петровича: генерал-адъютанты ей не полагались. Вы прекрасно знаете, не хуже меня, что прекрасный пол не интересовал фельдмаршала, потом генералиссимуса. У него была немножко другая ориентация.

Дальше... Известная фраза генерала Алексея Петровича Ермолова, будущего «проконсула Кавказа», когда его спросили от лица государя, какую награду он хочет получить после победоносного сражения при Кульме. Ермолов сказал: «Государь, произведите меня в немцы». У нас абсолютно неправильно понимают эту фразу. Ермолов хотел стать генерал-адъютантом. Потому что вся свита государя была в основном из лиц с нерусскими — немецкими или польскими — фамилиями. Ермолов намекал на то, что хорошо бы добавить в свиту и великоросса. Император Александр прекрасно всё понял, но сделал вид, что не оценил шутку, и прислал генералу орден Александра Невского. Ермолов был в отчаянии, но фраза попала в историю и стала жить своей собственной жизнью.

Так вот, на первом месте — близость к монарху. И Александру III, и Николаю II много раз говорили, что любой министр больше всего ценит возможность личного доклада. Это важнее всего. Вот на втором месте стоял чин по Табели о рангах, потому что он определял всё — количество лошадей, которые тебе дают на станции, он определял место в церкви, количество лошадей в экипаже, он определял возможность пользоваться каретой или отсутствие такой возможности. Во время путешествия по России цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II) сопровождающий его князь Ливен ехал в дормезе — большой и просторной дорожной карете,

в которой можно было даже спать, а вот поэт Василий Андреевич Жуковский довольствовался простой коляской.

Всё регламентировалось чином. Только на третьем месте шло богатство, а уже на четвёртом месте стояла знатность — происхождение, родовитость, титул. И вот, скажем, княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, если почитать внимательно её записки, домогалась одного — она домогалась права быть приставленной к двору. И вся её благотворительность, так или иначе, была связана с желанием заслужить это право.

В то же самое время, когда произошёл Октябрьский переворот или Великая российская революция, люди ещё по-прежнему пытались перевести новые ценности в старую систему координат. Художник Михаил Васильевич Нестеров написал в одном из писем: «Я получил академический паёк, ведь по-старому это Станислав I степени», то есть самый младший из бывших российских орденов высших степеней. Для живописца получить в Российской империи столь высокое отличие — это было серьёзно или, как сейчас молодёжь сказала бы, круто. Люди, получавшие в частной службе огромное жалование, как, скажем, Витте, об этом знают все, или последний министр финансов Барк,— они готовы были распротиться с частной службой, очень сильно потерять в деньгах, но получить высокий чин по Табели о рангах и сопряжённый с ним служебный пост, чтобы приблизиться к государю. Это продолжалось вплоть до крушения Российской империи и это надо учитывать.

И, наконец,— я начал анекдотом, анекдотом и закончу. Несколько лет назад мы с женой отдыхали на одном из греческих островов. Это я к вопросу о приматах, вернее, о парнокопытных. Отель был очень хороший, рядом с ним был небольшой зоопарк, где были разные живности, в основном олени. И отдыхающие в отеле кормили этих оленей хлебом. Мне почему-то это показалось страшно глупым, я взял салфетку, наполнил её сухофруктами и стал кормить оленей. Им это жутко понравилось. Но тут появился — я его почему-то стал называть шеф-редактором — самый главный олень с большими рогами, всех их растолкал с приближённой газелью и стал весьма настойчиво требовать, чтобы я лишь ему давал эти сухофрукты. Ну, какое-то время так продолжалось, все сухофрукты доставались главе стада. Но рядом была моя жена, стихийная поборница равенства и социальной справедливости, она стала дурным голосом кричать: «Маленькому дай, маленькому». Там в стороне какой-то маленький оленёнок бегал (у него ещё и рожки-то не отросли). Но как дашь, когда олень, глава стада оленей, всех отталкивает? Правда, этой приближённой газели немножко сухофруктов доставалось. Тогда я взял в две руки припасённые сухофрукты, приблизил одну руку к морде оленя, но не давая ему ничего. Он потянулся, и в этот момент я другой рукой дал вот этому маленькому, который спокойно получил свою пайку.

Что интересно, получив свои сухофрукты, маленький олень отбежал, не претендуя на добавку и давая возможность другому оленю из стада приблизиться к руке дающего. То есть он чётко понимал: вот она стихийная справедливость в этом отдельно взятом стаде. Получив свою пайку, любой олень из стада тут же покидал очередь.

Так вот я хочу сказать, что для достижения справедливости на моем личном опыте нужно как минимум две вещи: две руки с ресурсами, которые могут их перераспределять, и умная женщина рядом, которая регулирует процесс кормления. Вот, пожалуй, всё.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Господин Ениколопов, прошу вас.

Е. Н. Ениколопов, *заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья РАМН, профессор*

Я — о справедливости. Мы все знаем, что мир несправедлив, но при этом был в своё время сделан анализ опасных верований у человека. Было показано, что и на индивидуальном уровне, и на групповом идея справедливости достаточно опасна. То есть она лежит в основе терроризма, революций и разного рода агрессивных индивидуальных действий.

Но самое интересное во всём этом, что одна из базовых характеристик человека — вера в справедливый мир. Как только у него плохая вера в справедливый мир — значит, что-то у него не совсем в порядке. Точнее говоря, исследования посттравматических стрессовых расстройств у людей показывают, что после стрессовых ситуаций один из основных показателей (естественно, не у всех людей проявляются посттравматические стрессовые расстройства, примерно от 20% до 30%) — это когда рушится одна из базовых характеристик картины мира — что мир справедлив. Поэтому идея, что люди не хотят справедливости, — не совсем, так сказать, верная идея. Почему они в неё верят — я не знаю. Но это неопровержимая сейчас истина, которую даже уже не доказывают.

Второе — очень интересные были разговоры об иерархичности и выстраивании всякого неравенства. Придётся опять вспомнить приматов. Де Вааль [нидерландский приматолог и этолог] показал, что да, действительно вожаком, кстати, шимпанзе и горилл, орангутангов становятся не всегда самые сильные; им становится достаточно сильный, но тот, который умеет кооперироваться с другими. Он становится вожаком, но дальше такая любопытная вещь, которая как раз была своеобразно затронута в докладе Симона Гдальевича, что, вообще говоря, вожак начинает демонстрировать знаки власти. Он когда сидит, то обмахивается веточками, то есть таким образом скипетра.

Почему я сказал про доклад, — при всём том, что да, действительно влияние клановое и прочее, и эти четыре параметра, о которых говорил докладчик, — к этому ещё примешивается «а как доказать?». И вот стремление получить мигалку, номер приобрести на машину такой, который сразу показывает, «кто идёт», стремление попасть в список людей, которые проходят без очереди в аэропорту — это показывает, что люди, конечно, понимают, что они по статусу, может быть, высокие, их

Е. Н. Ениколопов

уважают и прочее, но без внешних знаков, по-видимому, всё-таки не разберутся, что он уважаемый. Статус должен быть подкреплён шириной лампасов.

Здесь есть некая своеобразная сложность в природе. Много лет назад президент криминологической ассоциации Сабо написал статью о том, что, вообще говоря, по логике умные должны были давно погибнуть, потому что ещё в древнем мире самыми важными были сильные бойцы, которые всё захватывают. Его статья называлась «Как выживают Ахиллы и Одиссеи». Он Одиссея почему-то перевёл в разряд только умных, а не сильных воинов. Идея у него была такая, что при победе делятся всё-таки по справедливости, наложниц они получили примерно одинаковое количество, и гены умного Одиссея, и гены сильного Ахилла распределились примерно равно, поэтому общество имеет и умных, и сильных.

И вот здесь возникает одна вещь, которая, на мой взгляд, важна для общества. Общество всегда декларирует разного рода цели — либо в лозунгах Французской революции, либо ещё в каких-то лозунгах, но на самом деле оно предлагает людям цели и средства достижения этих целей. И, собственно говоря, основные негативные проблемы типа преступности, терроризма, революции и прочие возникают, когда

Н. Н. Андреев

общество переживает в старых терминах аномию, а в более современных криминологических теориях это называется «теория напряжения». Когда возникает разрыв, ощущаемый людьми на индивидуальном уровне,— они не читают научных статей. Но когда между целями и средствами проявляется некое несоответствие, то есть этими средствами нельзя достичь нужных целей,— вот тут и возникают все побочные продукты. И поэтому общество, ясно, хочет выжить, оно должна выдумывать какие-то идеи по поводу справедливости.

А. Н. Привалов

Спасибо. Господин Андреев, прошу вас.

Н. Н. Андреев, *заведующий лабораторией популяризации и пропаганды математики, МИАН*

Про справедливость я вряд ли могу что-либо сказать, а вот равенство и неравенство — это к нам, математикам, тоже. У меня будет очень короткий, чуть в сторону комментарий. Я хочу напомнить одну фразу. В 1557 году, 450 лет назад, Роберт

А. Н. Клепач

Рекорд¹⁸ пишет: «Я поставлю подобно тому, как часто поступаю в своих трудах, пару параллельных линий одинаковой длины. Ибо никакие два предмета не могут быть более равными». Этой фразой он вводит знак равенства 460 лет назад. Спасибо.

А. Н. Привалов

Юбилей. Замечательно. Господин Клепач, прошу вас.

А. Н. Клепач, *заместитель председателя – главный экономист Внешэкономбанка*

Трудно говорить и про разнообразие, и про иерархии, и про приматов. Собственно говоря, близость к телу — неважно, президент, царь, директор института или пахан в тюрьме — она всегда много значит. Важно, чем эта близость определяется. Если для этого когда-то надо было победить при Кульме или взять Измаил, в других обстоятельствах, быть может, главным было уворовать, убить или открыть успешный бизнес.

¹⁸ Роберт Рекорд (англ. Robert Recorde; около 1510–1558) — уэльский врач и математик. «Я поставлю пару параллельных линий одинаковой длины так: =, ибо никакие два предмета не могут быть более равными».

Всё очень сложно, но всё-таки, если говорить о социальном неравенстве, а не о неравенстве талантов, самореализации, то традиционно для экономистов (хотя социальное неравенство к этому не сводится) есть некоторая исходная точка отсчёта, связанная с неравенством доходов, с неравенством богатства. Её можно по-разному считать, статистика здесь мало совершенна. Но для России, на мой взгляд, важно то, что по всем международным и альтернативным оценкам, у нас сейчас предельно высокий уровень неравенства. Он резко вырос за последние 15–17 лет.

Если обычно берут 1% самых богатых, то это где-то около 20% всех, с учётом теневых. В 80-е годы было примерно 5%. Около 20% у нас было перед революцией. То же самое, когда оценивают размеры активов, включая финансы и недвижимость, землю: 10% самых богатых владеют примерно 75% всех богатств страны, включая и разные оценки того, что вывезено за рубеж. Половина или большая часть этого богатства носит теневой характер и не имеет никакого отношения не то что к труду, к талантам, но даже к менеджерским способностям. Это возможность использовать приватизацию, возможность использовать близость к власти, возможность использовать ту ренту и рост цен на нефть, много чего. Но ни к талантам, ни к Кульму, ни к служению государству это никакого прямого отношения не имеет. Ну, имеет отношение, может быть, к способности приватизировать и государство, и власть, и другие статусы.

В этом смысле у нас предельный уровень богатства. Предыдущий пик был только перед 1917 годом. Это не означает, что ситуация одна и та же. Другим стало общество. Хотя я не думаю, что у нас есть иммунитет к кровопролитиям, которые были что тогда, что потом, но всё-таки определённое осмысление, что можно, что нельзя, наверное, произошло.

Второй момент, который я хотел бы отметить. Страты, сословия — это термин, который, мне кажется, нельзя распространять почти на всё. А то у нас любая профессия, начиная с сантехника, или сейчас уборщики в Москве — это тоже почти корпорация. Туда просто так не попадёшь, как в студенческие годы, сейчас для этого надо быть таджиком или киргизом. Особенно, если есть специальный закон. Симон Гдальевич, не думаю, что сам по себе закон делает ту или иную профессию, даже слой, некоей стратой. Для этого нужно всё-таки многое другое. Мы говорим «служивое сословие», а у нас в законе о госслужбе, да и о государстве, уже нет служения. Есть службы, а дальше — «предоставление услуг». Если «предоставление услуг» — где же тут служение?

В связи с этим здесь есть тоже довольно серьёзный конфликт. Я сам работал на государственной службе. Эта работа определяется не только тем, «близок» ты или не «близок к телу» — у нас к телу близки очень немногие, — а то, что это даёт возможность участвовать в решении тех или иных вопросов, огромный круг ответственности, контактов, общения, знания. В этом смысле это очень интересная деятельность. Хотя зачастую тяжёлая, стрессовая и малоэффективная. В бизнесе то же самое, если даже не хуже. Особенно если это крупный российский бизнес.

Мне кажется, что здесь у нас есть такой вопрос нечёткого самоопределения. На какой развилке наши служивое сословие, кому вообще оно служит и зачем?

А. Н. Привалов

Себе.

А. Н. Клепач

Я так не думаю, но не хочу сейчас спорить. Так или иначе служивое сословие по определению и в Средние века, и в царской России служило кому-то — государству, императору. Насколько это было эффективно, это другой вопрос. При этом часть из них и предавала императора и его смещала (у нас это было не так часто), была коррумпирована, но это всё-таки было служение. Это другой критерий, чем просто быть «эффективным менеджером».

Вот что сейчас это служивое сословие или чиновничество определяет? И самое главное — а дальше где оно может найти применение? Если из них из всех делать эффективных менеджеров, то тогда проще вообще не работать в этом государстве. На YouTube ходила ссылка на фельдмаршала Миниха о том, что русское государство напрямую управляется самим Богом, потому что иначе вообще нельзя понять, как оно существует. Где тут место для эффективных менеджеров? А если они нечто другое, то проще действительно пойти на госслужбу как некоторый промежуточный шаг, чтобы перейти на более прибыльную и спокойную, так сказать, бизнес-службу.

Третий момент, который бы я хотел выделить. У нас многие перевороты, и не так давно состоявшийся, на рубеже конца 80-х – 1991 годов, был связан с огромным почти всеобщим недовольством властью. Учёные, врачи, инженеры — все смотрели на то, что в Америке они за тот же труд могли бы жить совсем иначе. Это один из мотивов, я не говорю, что он был главный и определяющий. Но сейчас мы тоже подходим к ситуации, когда, мне кажется, средний слой, интеллектуальный слой тоже крайне недоволен своим положением. Это проявляется и в перипетиях в Академии наук. Ну дали надбавку, дали её и в вузах, но это никого не радует, хотя естественно, деньги всем нужны. Не радует, потому что это не приносит справедливости, порядка и устойчивости в этих научных или образовательных коллективах. Мне кажется, что это очень важный момент. То, как пытались выполнять майский указ 2012 года, не создавало стабильности, а разбалансировало многие вещи, плюс подорвало систему этических ценностей.

Я не думаю, что всё сводится к тому, чтобы твой коллега не получал больше, чем ты. По-моему, все согласны с тем, что давно уже существует большое неравенство. Но что мне кажется важным — не должно быть такой палочной балльной системы оценки научной деятельности, управленческой деятельности, учительской, которая сложилась в последнее время, потому что она противоречит самому духу науки, образования. Хотя, естественно, определённая статистика, баллы нужны, но они не могут

быть самодовлеющими и главными ни по отношению к индивидууму, ни по отношению к научным институтам.

Мы сталкиваемся с ситуацией, когда тот слой общества, который, по идее, должен быть опорой власти, да и не только власти, но опорой страны, отторгает идеологию части преобразований и проводимой политики, точнее политической инерции. Что такое гражданское общество? Можно дать определение в западных юридических терминах, но это люди, которые, так или иначе, определяют стабильность общества, его самосохранение и способны предложить обществу какую-то модель развития и неким образом её реализовывать.

Все ссылаются на кризис, — а как мы собираемся жить дальше? На каких принципах? Не в том смысле, ориентироваться ли нам на Запад или Восток или лучше отсидеться пока, подождать — как Потанин сказал, главное, чтобы выборы закончились. Ну закончатся — а дальше что изменится? Накопившиеся проблемы при этом решены не будут. В сочетании же с существующим огромным неравенством это очень взрывоопасно. Пока всё-таки есть доверие к первому лицу, есть ядро ценностей. Как Александр Николаевич [Привалов] на одном из заседаний сказал, что нас всё равно должно что-то объединять — некоторые ценности и смыслы. Пока это есть, начиная с любви к Родине, к своей семье, к тому, что всё-таки мы не начинаем воевать друг с другом, потому что пройти через кровь очень сложно любому нормальному человеку. Всё это для нас некий момент самосохранения.

Тем не менее, как развиваться дальше и кем мы будем, скажем, через 50 лет, я не знаю. Я не знаю, что произойдёт не только через 50 лет с неравенством и особенно с неравенством в смысле продолжительности жизни и здоровья, но что будет хотя бы через 5–10 лет с Россией, с нашими детьми и с нами. Дай бог, мы ещё, может быть, и доживём. Ответов на эти вопросы не только у власти, но и, по-моему, и в обществе толком нет. Это, на мой взгляд, очень серьёзная, тревожная вещь.

Юрий Александрович [Плюснин], когда говорил о правде, праведности, — не только для России, но особенно для России очень важна правда. Если в обществе возникает ощущение, что власть лжёт (а это происходит как в явных, так и в не очень явных формах), то это всегда приводит к очень серьёзному конфликту и кризису, даже если доходы начинают расти. У нас они, даже по нашей статистике, лет восемь не растут, а последние три года в реальном выражении просто падают.

В Америке такой период был. У них с середины 90-х годов почти 10–15 лет реальные доходы, по статистике, не росли. При этом росла дифференциация. «Новые американцы» — финансовая элита, айтишная элита — получили огромные доходы. Но дальше это привело к кризису, вызванному ситуацией вокруг выборов Трампа, и неизвестно, когда он завершится. Но мы-то, по сути дела, тоже повторяем такой путь, только не имея таких доходов и такого запаса прочности. Разве что только нас спасёт то, что мы всё-таки живём не только по закону, а и «по понятиям». Потому с другом можно пойти погулять и выпить, а не только с замглавы администрации (мы,

Симон, с тобой, надеюсь, погуляем и выпьем). И это обеспечивает устойчивость нашего общества. Оно больше держится на понятиях, это не обязательно плохо, лишь бы понятия были правильные и было с кем выпить.

А. Н. Привалов

Самое страшное, что могло случиться с Россией, это если бы случился — хотя это невозможно даже вообразить — успех горбачёвской антиалкогольной компании. Господин Перов, прошу вас.

М. В. Перов

Не могу отнестись равнодушно к одному из тезисов Андрея Николаевича [Клепача]: кому служит служивое сословие? Оно, вообще, служит государству. При том условии, что территории или сферы деятельности отданы на кормление. Вот и весь договор, по-моему, довольно очевидный, и сильно это не скрывается.

Три коротких замечания по сегодняшним темам. Прежде всего, конечно, о приматах — тренде вечера. Самое большое количество потомства у приматов дают гамма-самцы. Пока альфа- и бета- кооперируются, дерутся, выясняют отношения, гамма-самцы заняты главным, так сказать, делом своей жизни — продолжают потомство. Вопрос об устройстве.

Теперь по теме. При развитии, в широком смысле слова, всегда возникает неравенство, и в этом смысле стремление к равенству в значительной степени есть отрицание развития — опять-таки в широком смысле слова. Поэтому как основной курс развития государства — это довольно опасно. Стремление к справедливости и равенству, по-моему, исчерпало себя и с ментальной точки зрения — ну, то, что мы условно можем назвать западно-атлантической мыслью: политкорректность и стремление к защите прав меньшинств. По-моему, Тео Сарацин [бывший германский политик, член СДПГ] вполне чётко 17 лет назад написал об этом в книжке «Германия: самоликвидация». Тогда её сочли непристойной, ему пришлось уйти со всех постов.

Сегодня мультикультурность, в общем, уже исчезла из лексикона политиков. Завтра Трамп примерно сделает то же самое в Америке. В общем, понятно, что эта тема закончится, поскольку это действительно ведёт к самоликвидации наций в том виде, как это развивается. В Америке сегодня самый незащищённый, самый угнетаемый человек — мужчина, белый, англосакс, протестантского вероисповедания и традиционной ориентации. Он самый незащищённый, самый угнетаемый. Это такая несколько перевёрнутая логика.

И последний комментарий по поводу того, что говорил Виталий Леонидович [Тамбовцев] о терпении нашего народа и его настроении. Я, конечно, в целом доверяю опросам ВЦИОМ, но в силу своей профессии (я градостроитель) в разных городах участвую в публичных слушаниях. Это единственная площадка открытого общения народа с властью, в том числе с представителями местной власти, других нет.

За редким исключением, её невозможно подготовить «по сценарию власти» даже в Москве. И вот последние года три на публичных слушаниях от населения исходят прямо-таки волны ненависти, я такого не видел даже на стадионе в финале. Это не купишь, это не срежиссируешь.

Не знаю, могут ли социологи измерить этот градус или здесь нужны какие-то знания психологии масс, но это, мне кажется, некий показатель температуры в обществе. По крайней мере, как непрофессионалу мне это видно.

А. Н. Привалов

Спасибо. Слово господину Соколову. Список выступающих у меня исчерпан. Прошу, Александр Сергеевич.

А. С. Соколов, ректор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, профессор, доктор искусствоведения

Последнее слово обязывает, но я постараюсь воспользоваться приёмом, который уже неоднократно был применён. Во-первых, поблагодарить докладчиков, эта триада действительно была замечательным посылом к дискуссии. Но приёмом в дискуссии, о котором хочу также напомнить, была метафора. В основном, конечно, повезло парнокопытным, приматам, пернатым. Я тоже хочу воспользоваться метафорой, причём достаточно апробированной.

Все, конечно, прекрасно помнят гениальный фильм Феллини «Репетиция оркестра», пьесу Ануя «Оркестр». О чём идёт речь? Модель мира — модель мира, которая шлифовалась по крайней мере два последних столетия и пришла к определённого рода совершенству, в том смысле, что обнажила и пороки, и доблести.

В разных странах сегодняшнего мира это тоже выглядит и сходно, и различно. Например, во главе симфонического оркестра может быть самодержец, каким был, допустим, Светланов. Или, наоборот, совершенно другого рода управляющий орган — профсоюз, как в Германии. Там дирижёр — приглашённый, такой же зависимый, как и другие музыканты. Если это не Караян, конечно.

Так к чему я с этого начал? Дело в том, что здесь (в оркестре) действительно есть всё — и субординация, и определённого рода карьеризм, тут есть борьба за движение заднего пульта к переднему пульта. И каждый этот шаг означает соответствующее финансовое обеспечение. Здесь можно найти массу аналогий тому, о чём сегодня говорили по поводу общества.

Но сейчас я хочу рассказать об эксперименте, происходящем на наших глазах и ломающем эту систему. Эксперимент действительно совершенно удивительный. Многие уже, наверное, были на концертах Курентзиса¹⁹ и понимают, что это явление, которое тоже может вдохновить кого-нибудь из режиссёров снять фильм,

¹⁹ Теодор Курентзис (р.1972) — греческий и российский дирижёр, музыкант, актёр; художественный руководитель Пермского театра оперы и балета имени П. И. Чайковского.

А. С. Соколов

обобщающий этот опыт. А опыт, на первый взгляд, очень простой. Ломаются стереотипы поведения, воспитанного на основе всей предыдущей практики, и за спиной у каждого, достигшего высокого мастерства музыканта. Но когда музыканты попадают к Теодору Курентзису, оказывается, что всё поставлено на совершенно другую основу. Прежде всего — финансовую.

Курентзис действительно в Перми получил огромную финансовую поддержку, которая дала ему возможность сразу снять поводы для обид, существующих среди музыкантов любого оркестра. А дальше уже — чисто внешние моменты. Его оркестр не сидит, а стоит. За исключением виолончелистов, которые, само собой, стоя играть не умеют. А вот все скрипачи, альтисты, первые и вторые скрипки, духовики — они стоят. О чём это говорит? Во-первых, это молодой оркестр. Стоять на протяжении нескольких часов людям немолодым с подагрой и прочими делами — это сразу исключено. Второе и самое главное — он, конечно, снял все сливки, которые только можно было снять, именно исходя из своих возможностей. Причем не только финансовых, а особой, совершенно заразительной творческой атмосферой общения. И самое главное — у него постоянная ротация: кроме концертмейстера, который

всегда стоит на одном и том же месте, все остальные скрипачи — сегодня он стоит где-то вдали, завтра за вторым пультом, послезавтра за четвертым.

Ротация — этого никогда не было ни в одном оркестре. Так фактически возникает та самая среда обитания — совершенно немыслимое равенство. Равенство на основе взаимопризнания заслуг. Это эксперимент. Я никогда в жизни такого никогда не видел, и, наверное, мало кто может на это отважиться. Я привожу это именно как метафору, как некоторую модель мира, которая может быть видоизменена. Но видоизменена только при определённых условиях: во-первых, нивелирование поводов для банальных комплексов; во-вторых, высокая идея высокого творчества. Так что бывает и такое.

А. Н. Привалов

Спасибо. Переходим к заключительным словам наших уважаемых докладчиков. Прошу вас.

В. Л. Тамбовцев

Спасибо. Две вещи я хочу сказать: кроме благодарности всем выступающим, я много чего записал, это показатель.

Первый момент — сугубо исторический. Я бы хотел в связи со спором оптимистов и пессимистов напомнить уважаемым коллегам про так называемое «Горестное речение», которое было написано в Среднем царстве Древнего Египта примерно 3500 лет тому назад, в котором были такие слова, это не цитаты естественно, я его не помню, но смысл такой: куда катится мир, молодёжь не уважает старших, процветает бандитизм, процветает коррупция, то есть всё, мир заканчивается. Напомню: 3500 лет тому назад.

Следующий момент совсем с этим не связан, он касается упоминавшейся здесь коллегами ситуации, которая сложилась в образовании, науке, — все эти бессмысленные надбавки и так далее. Довольно давно было введено понятие, по-английски «wicked problem» — я эту перевожу как «злостные проблемы». Это проблемы, которые невозможно правильно решить. Они построены на противоречивых интересах: вроде напряжённость в отношениях между людьми есть, а сделать с ней ничего нельзя.

По аналогии было введено понятие «wicked solution». Это решение, которое ничего хорошего никому, кроме, быть может, его автора, не приносит, которое порождает больше проблем, чем было до его принятия. Весь этот менеджеризм, который проник в разного рода государственные органы, в социальные системы и так далее, — это типичное злостное решение, которое приносит вред значительному большинству людей, не только тем, кто оказался под целевыми показателями и всем прочим.

Мы в 1970-е годы, когда занимались программно-целевым планированием,

писали черным по белому,— это можно всё найти, у меня всё это есть,— что, если вы измеряете какую-то сложную деятельность, ни в коем случае не пытайтесь планировать эту деятельность, устанавливая целевые значения показателей. Ну и что? Да ничего. Так поэтому я и говорю, что это злостное решение, это решение, целенаправленно приносящее зло большому количеству людей.

На этой оптимистической ноте, как сказал бы Евгений Янович, я бы хотел закончить.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Симон Гдальевич, прошу вас.

С. Г. Кордонский

Сложно как-то всем отвечать, потому что всё перемешалось — и Суворов в определённом качестве, и евреи. Я на своих встречах с разными людьми, не только в студенческих аудиториях, задаю три вопроса. Первый вопрос: в какой части света вы находитесь? Требую согласованного ответа (ни разу не удалось получить): Азия, Европа, Азиопа — что у нас, где мы живём? Согласились люди со всем перечисленным. Всегда начинается спор.

Второй вопрос: в какое историческое время мы живём? Что у нас — рабство, феодализм, капитализм? Какое время на дворе? Нет согласованного ответа. Тоже спор сразу начинается. (См. рис.5).

И третий вопрос: к какой социальной группе относятся ваши водители? Нет согласованного ответа. Только в последнее время появились ответы: госслужащие. Всё остальное провисает. Потом я им в этой аудитории, независимо от статуса, объясняю, что это именно те три вопроса, который задаёт врач-психиатр на первичном приёме. И отсутствие ответов на эти вопросы или неадекватные вопросы вполне однозначно интерпретируется, сами понимаете как. То состояние, в котором мы находимся, даже в этой аудитории, называется аномией. Мы не знаем ни где мы живём, ни в какое время живём, ни кто наши родители.

А. Н. Привалов

Я всё-таки продолжаю надеяться, что в этой аудитории мы бы добились согласованного [ответа], но, может, я неправ. Юрий Михайлович, прошу вас.

Ю. М. Плюснин

Спасибо. Моё выступление было посвящено, по сути, тому, что написанное в программе название в форме дизъюнкции «неравенство и справедливость» в действительности означает иное: «неравенство есть справедливость». Я удовлетворён тем, что, в общем, как показала дискуссия, такое согласие и получено. Ведь равенство — это свобода. А что такое свобода? Об этом, если опять погрузиться в историю,

я когда-то давно прочитал у Бенвенисты²⁰, — что написал Гомер про свободу. Свободный человек это тот, кто имеет свободный день: у него — праксис²¹, а у раба — всего лишь работа, то есть «рабское занятие». Этим высказыванием он характеризовал ту главнейшую особенность социально-политической и экономической жизни античного мира, которая в наше время кажется парадоксальной и невозможной, но на что обратили внимание ещё Вебер и Перри Андерсон: свобода невозможна без рабства.

Основанием для «абсолютной» (в правовом и политическом смысле) свободы выступает «абсолютное» (в тех же смыслах) рабство. Мне кажется этот тезис в полной мере верным и для нашего времени. В этом смысле потому тот, кто имеет работу, не свободный человек, и если он стремится жить в условиях равенства, то, тем самым, отказывается от свободы. Если все равны — нет места свободе. Поскольку равенство есть несвобода и несправедливость. Когда же имеет место неравенство, появляются тождественные ей и справедливость, и свобода.

А. Н. Привалов

Спасибо. Если позволите, буквально несколько слов в завершение.

Андрей Николаевич [Клепач] в своём выступлении затронул, конечно, существенно более могучую тему, чем наши попытки навести свет на проблему равенства и неравенства: дальше что? В общем, в этом вопросе тонут все наши рассуждения, всё к нему и сводятся. На самом деле, это правильно, и чем чаще мы об этом будем вспоминать, тем лучше.

Но я бы хотел напомнить вам тезис моего давнего приятеля, думаю, что многие здесь его знают — Виталия Аркадьевича Найшуля, у которого была теория листков на столе. В любом случае, будь то стандартный или экстраординарный, власть принимает решение, перебирая листки на столе. Если на столе нет соответствующего листка — власть его родить не может. Когда мы говорим, что ни власть, ни мы не знаем, дальше что, — мы, на самом деле, делаем подстановку: именно мы не знаем, что дальше, мы не порождаем листков, которые было бы интересно перебирать. Неважно — будучи при этом властью, не будучи властью, но листки где? С листками трудно.

А что касается нашей темы, то я бы хотел напомнить собравшимся о нашем чудесном земляке, хотя наши отделившиеся соседи его считают своим, но он и их, и наш, неважно. О Григории Саввиче Сковороде, который примерно в те самые времена, когда действовали развратники типа Руссо с Вольтером, выдвинул совершенно

²⁰ Эмиль Бенвенист (*фр. Émile Benveniste, 1902 — 1976*) — французский лингвист, один из выдающихся лингвистов XX века. Труды по индоевропеистике, общей теории языка, типологии, лексической и грамматической семантике.

²¹ Праксис (*греч. praxis — действие*) — координированное, сознательное произвольное движение или действие; способность к выполнению целенаправленных двигательных актов.

правильную, на мой взгляд, теорию неравного равенства. Вот есть некая площадь (я, к сожалению, своими словами, наизусть не помню), на ней некий источник, я прихожу с большим стаканом — черпаю и пью, кто-то приходит с малым стаканом — черпает и пьёт. Мы равны потому, что мы оба выпили столько, сколько хотели; мы не равны, потому что стаканы у нас разные.

В этом смысле идеальным примером воплощения этой, на мой взгляд, гораздо более богатой, чем просто равенство, идеи Григория Савича является то, о чём нам напомнил Александр Сергеевич [Соколов]. Вот установившаяся за два столетия сложнейшая структура большого симфонического оркестра — она и есть воплощение этого неравного равенства. В некотором смысле они все равны, во многих смыслах они чрезвычайно неравны. И тем не менее машинка работает к всеобщему удовольствию. Таким образом, в каких-то частных случаях что-то получалось и до сих пор, а дальше, наверное, что-то будет меняться очень сильно.

Сегодня многие констатировали недопустимо быстрый рост расслоения в России — это очевидная правда и, собственно, что тут скажешь. Все мы это видим и все мы побаиваемся, что это плохо кончится. Но нам же вбрасывают и идеи насчёт того, что сегодня это не совсем то, что 100 лет назад, потому-де, что будет очень сильно меняться социальная структура, а она будет-де меняться потому, что-де будет меняться профессиональная структура. И вот в новой, которую никто ещё не видел, профессиональной структуре, которая будет меняться, в ней-де будут постепенно падать роли вертикальных карьер и постепенно возрастать роли горизонтальных карьер. Если так действительно будет происходить, то это гигантское смягчение проблемы расслоения. Ну, а нет, так и нет. Поскольку, как справедливо заметил Андрей Николаевич, что будет дальше, никто из нас не знает, мы будем хотя бы надеяться.

Спасибо. Всего доброго.

Никитский клуб клуб ученых и предпринимателей

НИКИТСКИЙ КЛУБ — независимая общественная организация, созданная в 2000 году по инициативе учёных и предпринимателей, стремящихся объединить интеллектуальные силы России как активный ресурс развития страны.

Основателем и бессменным президентом Клуба до последних дней своей жизни был известный в России и мире учёный, общественный деятель, популяризатор науки, физик Сергей Петрович Капица (1928–2012). Ядро Клуба — Совет, объединяющий инициативную группу, создавшую Никитский клуб и отвечающую за поддержание его интеллектуального статуса и разработку стратегии. С 2012 года по решению Совета место президента Клуба в память о С. П. Капице остаётся не занятым.

С момента создания Клуб приобрёл репутацию авторитетной организации. Известность как места общения лидеров общественного мнения Клуб приобрёл благодаря участию в своей работе большого круга лиц разной профессиональной направленности. Это руководители исследовательских институтов и центров, известные учёные, политики, журналисты, бизнесмены, понимающие и ценящие роль активной общественной позиции. Потенциал этих людей во всех отношениях уникален, и Клуб по праву может гордиться оказанным ему доверием.

Никитский клуб проводит цикл публичных дискуссий под общим названием «Россия в глобальном контексте». Стенограммы заседаний (круглых столов) цикла размещаются на web-сайте: www.nikitskyclub.ru; в печатном виде, в виде Выпусков Никитского клуба, распространяются по списку рассылки в правительственные, общественно-политические учреждения, предпринимательские организации, институты, СМИ, библиотеки, др.

Название «Никитский» связано, с одной стороны, с местом рождения Клуба, с другой — отражает стремление его основателей к культурно-исторической преемственности. Современное здание Московской Биржи (ранее Московская межбанковская валютная биржа), при поддержке которой создан и работает Клуб, находится в непосредственной близости с местом расположения в прошлом Никитского монастыря, основанного в XVII веке боярином Никитой Романовичем Захарьиным-Юрьевым. В районе Никитских улиц Москвы, получивших свое название от монастыря, в разное время жили выдающиеся люди: князя Юсуповы, графы Толстые, А. В. Суворов, В. И. Вернадский, П. И. Чайковский, представители крупного московского купечества, промышленники, фабриканты. Здесь сохранились памятники архитектуры, авторами которых были М. Ф. Казаков, К. В. Терский, Д. И. Жилярди. На Никитском бульваре в XIX веке размещался Коммерческий банк, переименовавшийся затем в Государственный банк (ныне здание Музея Востока). В этом районе находится Московская консерватория, другие культурные учреждения, формируется современный деловой центр.

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 91

НЕРАВЕНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Редактор выпуска *Н. М. Румянцева*

